

Наталья Ермакова

Протокол 24

18+

Наталья Ермакова

Протокол 24

<https://litres.ru/74507233>

SelfPub; 2026

Аннотация

Краснодар просыпался.

Их мир погиб — не от войны, а от вируса, который шептал: «Всё бессмысленно». Триста душ уцелели на корабле, затерянном на орбите Земли. Вирус уже здесь — он расплзается по планете медленно, как плесень, и через несколько лет Земля повторит судьбу их мира.

У Айи двадцать четыре дня и двадцать четыре чужих тела. Каждый рассвет она входит в спящего человека, каждую ночь — покидает его и прыгает в следующее. Бухгалтерша, бариста, художница, танцовщица, священница — у каждой своя программа: «я должна», «я недостойна», «я знаю, как правильно». Айя не может управлять телом — только направлять внимание, будить любопытство, искать трещины в чужой броне.

Её цель — найти брата Эла, который спустился на Землю семь лет назад и забыл, кто он. Вместе они — две половины одного замка, и только их соединение активирует ключи, способные переписать Матрицу. Но охотники — сущности, стирающие чужеродные души, — сужают круг с каждым днём. А тепло, которое отец вложил в Айю, тает...

Содержание

Пролог	4
1	17
2	38
3	63
4	74
Конец ознакомительного фрагмента.	89

Протокол 24

Пролог

Корабль не имел названия. Не потому, что его забыли называть, а потому, что имя привлекает внимание, а внимание здесь, на орбите Земли, стоило жизни.

Он висел между спутниками, прикинувшись космическим мусором. Серый, тупой, без огней. Издалека — обломок старой ракеты, вблизи — живое существо: стены дышали, полы хранили тепло шагов, потолок мерцал не светом, а мыслью. Корабль думал. Корабль боялся. Корабль ждал.

Внутри — триста душ.

Светящиеся сгустки без формы, без голоса, без веса. Они держались друг за друга, как держатся свечи в ветреную ночь: каждая по отдельности погасла бы, но вместе они создавали тёплое облако, в котором можно было существовать.

Когда-то у них был свой дом, были тела, дома, реки, по которым они плавали, небо, в которое смотрели, города, где любили. Но это было давно — так давно, что память о телах стала похожа на сон, который снится всё реже и реже, пока однажды не исчезает совсем...

Их мир погиб. Не от взрыва, не от войны — от вирусной программы, которая проникла в ткань реальности и начала переписывать её изнутри. Убеждение, которое как простуда

охватывала сознание за сознанием: «Всё бессмысленно».

Сначала оно казалось философским наблюдением, потом — модной мыслью, а потом — единственной правдой. Люди перестали просыпаться с желанием, перестали смотреть друг другу в глаза, перестали помнить, зачем живут, и тела — те самые тела, которые когда-то были домами — стали пустыми, души покинули свой дом, корабль собрал их и ушёл...

Теперь они висели над Землёй и смотрели вниз.

Земля ещё светилась, ещё просыпалась с желанием, ещё смотрела друг другу в глаза, но вирус уже был здесь. Они видели его следы: в усталости утренних толп, в пустых взглядах за рулём, в детях, которые не задают вопросов. Он распространялся медленно — не как пожар, как плесень: тихо, незаметно, сладко.

- Всё бессмысленно — шептал он в каждое ухо.

И те, кто слышал, кивали, потому что отказ от смысла казался освобождением, но на самом деле был — клеткой.

У корабля было немного времени, вирус на Земле ещё не созрел полностью, но он созревал, ещё несколько лет — и Земля повторит судьбу их мира: души уйдут, тела опустеют, мир погибнет.

Поэтому они ждали, ждали того, кто снова согласится спуститься...

Цивилизация, к которой принадлежали эти души, существовала на планете, которую они теперь называли «Домом, которого нет». Это была древняя, мудрая раса, научившаяся

отделять сознание от материи задолго до того, как вирус начал своё тихое завоевание. Их наука и духовность давно слились в единую дисциплину: управление вниманием, работа с памятью как с энергией, понимание реальности как сети связей, где каждое чувство — это сигнал, а каждая мысль — волна.

Они веками вели борьбу с Матрицей — не с машинами, не с компьютерами, а с самой структурой убеждений, которая формировала мир. Матрица была не злом, а механизмом: она поддерживала стабильность, но эта стабильность со временем становилась тюрьмой, она не позволяла миру меняться, не позволяла ему расти, она закрепляла усталость, закрепляла равнодушие, закрепляла мысль «всё бессмысленно» как норму.

И тогда цивилизация научилась действовать иначе. Они поняли, что нельзя победить Матрицу силой, её можно только разбудить: изменить изнутри, через опыт, который она не сможет игнорировать. Опыт, который станет новой программой, автоматически переписывающей старые настройки.

Но для этого нужно было прогрузиться сознанием в реальность Земли — не как захватчики, не как наблюдатели, а как носители нового смысла. Существовало редкое окно возможностей: двадцать четыре дня, когда структура Матрицы становилась особенно восприимчивой, это окно открывалось раз в несколько десятилетий, и каждый раз цивилизация использовала его, чтобы попытаться передать «ключи»

— не предметы, не символы, а состояния сознания, способные активировать в людях память о смысле.

Однако цена была высока: каждый прыжок души в тело на Земле был смертельно опасен, если душа получала собственное тело, её сигнал мгновенно засекался системой. Матрица, как иммунная система, распознавала чужеродный код и посылала «охотников» — сущности, стирающие аномалии. Они не убивали, они стирали саму возможность быть — душа, попавшая в ловушку, исчезала навсегда.

За долгие годы борьбы цивилизация потеряла множество душ. Каждый раз, когда открывалось окно, находились добровольцы. Каждый раз они спускались, проживали свои сутки, пытались передать смысл — и почти всегда терпели неудачу: кто-то не успевал найти нужного человека, кто-то терялся в чужих мыслях и чувствах, кто-то случайно нарушал правила и становился мишенью, кого-то поглотила пустота и никто до сих пор не смог завершить миссию.

Но они не сдавались, потому что знали: однажды кто-то сможет, однажды окно совпадёт с нужным моментом, с нужным человеком, с нужной цепочкой событий и тогда начнётся трансформация...

Айя стояла перед Советом.

Совет — это не стол, не кресла, не голосование. Совет — это когда триста душ собираются в одну точку и думают одну мысль. Эта мысль тяжёлая и горячая, как уголь: *кто пойдёт?*

Никто не хотел.

Это не трусость, это честность. Спуститься на Землю без тела — значит войти в чужой дом, в чужую жизнь, в чужие мысли. Значит стать невидимой, бессловесной, вставленной в чужой день, как вставка в чужое предложение: ты видишь, ты чувствуешь, ты знаешь — но ты не ты, ты — гость в теле, которое не просило тебя и каждая программа этого тела — его боль, его страх, его привычка — встанет между тобой и миром, как стекло между лицом и ветром.

Айя стояла, и все это видели, все знали, что она согласится. Не потому что она смелее, а потому что у неё была причина. И эта причина была старше корабля, старше вируса, старше гибели их мира, эта причина начиналась там, где начиналась она сама — в детстве, которого у душ не бывает, но у Айи было.

Она помнила руки отца.

Души не помнят тел, не помнят кожи, костей, линий на ладонях, но Айя помнила, потому что отец держал её не руками, а присутствием. Он садился рядом, и мир становился тише, не меньше — тише. Как будто кто-то убрал из него шум, и осталась только суть.

Они сидели на вершине холма, их мир ещё не погиб, небо ещё было целым, живым, ярким, внизу — долина, зелёная и тёплая, с рекой, которая блестела, как нитка, брошенная кем-то огромным. Айя была маленькой, маленькой по ощущению: ей ещё нечего было защищать, и поэтому она ещё не знала страха.

Отец смотрел в небо и говорил:

— Видишь Землю?

Айя видела, не взглядом — душой.

— Она твоя, потому что ты её помнишь. Земля принадлежит тем, кто её помнит, остальные — гости.

Айя не понимала, она была маленькой, но запомнила не слова, а звук голоса: тёплый, низкий, как гул далёкой реки, этот звук лёг в неё, как фундамент, и держал потом — всегда.

Отец говорил мало, он не объяснял, он взращивал каждое слово — как семя. Он говорил:

— Запомни это тепло. Солнце на лице. Ветер в траве. Когда-нибудь ты забудешь всё. Но это тепло — не забудешь. Оно тебя приведёт.

Айя не понимала, но запоминала.

— Твой брат Эл, он младше, но он пойдёт первым, он захочет тело, захочет Землю, захочет чувствовать. Это его путь, не мешай ему, но когда придёт время — иди за ним, найди его.

— Как? — спросила Айя.

— По теплу. Он — часть твоего тепла, где тепло — там он.

— А что потом?

Отец молчал долго, так долго, что Айя успела усмотреть в его лице что-то, чего раньше не видела. Страх. Не за себя — за неё, и не страх боли, а страх, что она не поймёт, что услышит, но не услышит, что запомнит слова, но потеряет суть.

— Ключи, — сказал он.

— Какие ключи?

— Не предметы. Не слова. Не символы. Ключи — это то, что ты несёшь в себе: твоё тепло, твоё присутствие. Когда ты найдёшь Эла и встанешь рядом — ключи активируются сами, потому что вы две половины одного замка, вместе вы откроете его.

— Что откроем?

— Землю. Настоящую. Не ту, которую видишь, а ту, которую помнишь, матрица — это не стена, это дверь, но дверь можно открыть только с двух сторон. Эл — внутри. Ты — снаружи. Когда вы активируете ключи, дверь откроется, и мы сможем войти. Все. И битва будет закончена навсегда.

— А если я не найду его?

Отец не ответил, но Айя увидела в его молчании то, чего не хотела видеть: мир без двери, мир, где триста душ висят над Землёй и смотрят вниз — и продолжают битву, мир, где вирус побеждает, и тела пустеют, и всё бессмысленно, мир, который мог быть домом, но не стал.

Отец положил руку ей на голову, не руку — присутствие и сказал:

— Ты найдёшь. Ты — моя дочь, ты помнишь тепло, тепло не подводит.

Это был последний разговор на их планете. После он начал исчезать — медленно, как тает звезда перед рассветом, он отдавал себя кораблю — свою энергию, свою память, своё

тепло, чтобы корабль держался, чтобы триста душ не погасли, чтобы у них было время.

Айя смотрела, как отец тает, она не плакала — души не умеют, но что-то внутри неё сжалось и осталось сжатым. На годы. На все годы, что она висела над Землёй и смотрела вниз, в огни, в миллион жизней, и думала: «Он там. Эл. Где-то там. Я знаю, потому что тепло не подводит».

Отец исчез. Последнее, что от него осталось, — звук. Тёплый, низкий, как гул далёкой реки, этот звук лёг в Айю, как семя, и держал. Всегда.

Эл ушёл семь лет назад.

Он вышел из общего потока, оставив мыслеформу, что он хочет покончить с вирусом раз и навсегда, он не желал думать о том, что тело сотрёт память, что программы Земли перепишут его, что он забудет, кто он есть, забудет корабль, забудет сестру.

«Я вернусь за вами!»

Айя не плакала, души не умеют, но тепло внутри — то самое, которое отец вложил в неё на холме — дрогнуло, как дрожит пламя на ветру, не гаснет, но дрожит.

Семь лет Айя несла это дрожащее тепло, несла осторожно, как носят свечу в грозу — не бежала, не роняла, просто несла. И каждый день проверяла: тепло? Тепло. Он жив. Тепло? Тепло. Он где-то там. Тепло? Тепло. Я найду.

Она не знала, где Эл, не знала, как он выглядит, не знала, какое тело выбрал, какое имя носит, какие программы

теперь стоят между ним и памятью. Она знала одно: тепло, где тепло — там он. Отец сказал, отец не ошибался.

А потом вирус ускорился, совет увидел: Земля созревает быстрее, чем считали, если не спуститься в это окно сейчас — потом будет поздно.

И Айя сказала:

— Я пойду.

Не потому что смелая, не потому что готовая, а потому что тепло дрожало, не гасло семь лет, через пустоту, через тишину, через триста других душ — не гасло.

— Я пойду, — повторила Айя.

Совет не ответил, потому что каждый думал: *«Я рад, что это не я»*. И каждый думал: *«Я благодарен, что это она»*.

Ей давали инструкции, три правила, выжженные в сознании, как клеймо:

Первое: не получишь своё тело. Если душа получит собственное тело, её сигнал будет мгновенно засечён. Система Земли — матрица, сеть убеждений, невидимая инфраструктура, которая держит реальность в заданном формате — распознаёт чужеродный код за часы. Матрица не злодей, она — механизм, как иммунная система: она не ненавидит вирус, она просто его уничтожает. Душа в новом теле — это вирус и матрица пришлёт охотников: тени, которые движутся между людьми, читают аномалии в поведении, вычисляют отклонения. Охотники не убивают — они стирают, а стёртая душа не возвращается на корабль — она исчезает. Совсем.

Айя слушала и думала не об охотниках, она думала об Эле. Маленьком Эле, который бежал за ней по холму и кричал: *«Подожди! Я тоже хочу видеть!»* Она думала о его руках — маленьких, тёплых, хватающих её за край света. *«Я иду за тобой».*

Второе: сутки в каждом теле. Душа входит в спящее тело на рассвете и покидает его, когда тело засыпает ночью, во сне душа возвращается на корабль, делает прыжок и на следующее утро входит в другое тело. Двадцать четыре тела — двадцать четыре дня. После последнего дня — окно закроется. Корабль уйдёт. Останутся только те, кто успел.

Двадцать четыре дня. Айя прикидывала: двадцать четыре незнакомых утра, двадцать четыре чужих «я», двадцать четыре программы, которые стоят между ней и миром, как стены, за которыми не видно неба. Она не знала, какие это будут стены, но знала, что каждая — чужая и каждую придётся прожить изнутри.

Третье: найди брата и передай ключи. Ключи — не предмет, ключи — это то, что отец вложил в неё: присутствие, тепло, память. Код активируется только при прямом контакте: душа к душе, голос к голосу, тепло к теплу, когда Эл почувствует её присутствие — он вспомнит и код запустится сам, потому что они — две половины одного замка и тогда всё изменится.

Отец сказал: *«Ты откроешь не дверь, ты откроешь глаза. Мы спали все, теперь — просыпаемся».*

Айя несла эти слова с собой все эти годы, как носят воду в ладонях — осторожно, боясь расплескать...

Теперь, когда она приняла решение, корабль начал подготовку. Системы корабля, которые веками учились поддерживать существование душ, настраивались на новый режим, окно возможностей было узким, и каждая секунда имела значение.

Информационное поле Земли должно было принять новый опыт — не как идею, не как мысль, а как состояние, которое станет программой, эта программа должна была автоматически запустить трансформацию: пробудить в людях способность помнить смысл, видеть ценность в простых вещах, чувствовать связь друг с другом.

Матрица не могла игнорировать такой опыт, если он был достаточно сильным и достаточно широко распространённым, именно поэтому Айя должна была прожить двадцать четыре дня в двадцати четырёх разных жизнях, каждый день — новый взгляд, новое чувство, новое понимание, каждый день она должна была оставлять в сознании людей крошечные, но яркие следы — моменты, когда человек вдруг замечал красоту, чувствовал благодарность, понимал другого без слов.

Эти моменты складывались в новую программу и когда она достигала критической массы, матрица начинала меняться. Не сразу. Не громко, но необратимо.

Айя знала, что предыдущие миссии проваливались не по-

тому, что души были слабы, они проваливались потому, что не успевали найти того единственного человека, который мог стать точкой активации, того, кто уже был близок к пробуждению, кто был готов принять ключи.

Но в этот раз всё было иначе, в этот раз у неё был Эл и у неё было тепло, которое не подводило.

Корабль замер на орбите, словно прислушиваясь к тишине Земли, триста душ слились в одно дыхание и это дыхание шептало: *«Мы верим в тебя»*.

Айя закрыла глаза — хотя у души нет глаз — и представила холм, солнце на лице, ветер в траве, голос отца: *«Тепло не подводит»*.

Она сделала шаг и полетела сквозь ничто — вниз, к огням, к миллиону жизней, к двадцати четырём незнакомым утрам, к брату, которого не помнит, к теплу, которое не забыла, к земле, которая принадлежит ей по праву — по праву памяти, по праву тепла, по праву любви, которая не гаснет даже в пустоте.

Падая, она слышала два голоса: один — отца, тёплый и низкий: *«Ты найдёшь, тепло не подводит»*. Другой — Эла, детский и летящий: *«Подожди! Я тоже хочу видеть!»*

— Я иду, — шепнула Айя в пустоту. — Я иду...

Краснодар спал.

Город лежал в предрассветной тишине, тёплый и мягкий, как спящий зверь. По улицам бродили редкие фонари, в окнах гасли последние экраны, где-то в спальнях видели сны:

Марина видела отчёт, который не успела сдать, Светлана бродила среди зеркал, Римма видела урок, на котором никто не слушал, Дарья видела себя — но не могла понять, какую.

Айя падала сквозь небо, как семя.

Семя не знает, в какую землю упадёт, не знает, будет ли дождь, не знает, пробьётся ли росток, но семя несёт в себе дерево и это дерево знает — даже если семя не знает.

Рассвет поднимался над Краснодаром. Небо розовело. В одном из домов на улице Красной женщина по имени Марина открыла глаза, ещё не зная, что внутри неё кто-то есть, что у неё есть ровно сутки, что мир зависит от того, сможет ли незнакомая душа пробиться сквозь её «я должна».

Впереди двадцать четыре тела, двадцать четыре программы, двадцать четыре шанса.

И первое утро уже началось.

Марина, 34 года, бухгалтер — «Я должна»

Свет пришёл раньше звука.

Айя падала сквозь небо, и первым, что она почувствовала, было не тело — а утро, Краснодарское утро: тёплое, липкое, со вкусом пыли и кофе, с запахом хлебозавода на Тургенева, с гулом ранних маршруток по Красноармейской. Утро входило в неё раньше, чем она вошла в тело, — и это было странно, на корабле не было запахов, не было гула, не было пыли — была только тишина и ровный свет мыслящей машины. А здесь — мир, настоящий, плотный, густой. И Айя входила в него, как ложка входит в тесто: медленно, с сопротивлением, ощущая каждую неровность.

Она вошла в тело через темя, это было не больно, но остро. Как будто кто-то налил в неё горячий чай, и чай растекается по сосудам, которые она не знала, потому что не знала сосудов, у неё не было тела много лет и вот оно — чужое, тёплое, пахнущее сном и стиральным порошком, с затёкшей шеей и тупой тяжестью в затылке.

Марина проснулась.

Не Айя — Марина, потому что Айя была внутри, а снаружи — Марина. И снаружи было сильнее.

Марина жила на улице Красной, в пятиэтажке с облупившимся фасадом и синим почтовым ящиком, в который ни-

кто не кладёт писем. Квартира на третьем этаже, окно выходит во двор, где тополь роняет пух в июне, а в сентябре — листья. Сейчас сентябрь. Пух давно прошёл. Вместо него — влажный воздух, который Краснодар держит до октября, как держат мокрое полотенце: неохотно, тяжело.

Будильник зазвонил в шесть тридцать. Марина не открыла глаза — рука сама ударила по телефону, пальцы знали маршрут: выключить, откинуться, потянуться к тумбочке, нащупать очки. Всё это — до сознания. До «я». Тело действовало, а Марина ещё спала. Айя наблюдала изнутри, как наблюдатель в кинозале: видит экран, слышит звук, но не может дотянуться до пульта.

Она чувствовала тело Марины изнутри — и это было похоже на ношение чужой одежды: руки — чужие, ноги — чужие, желудок — чужой, и в нём сосёт, не от голода, а от тревоги, которая живёт здесь давно, которая выросла в стенки желудка, как лишайник вырастает в камень. Эта тревога не имела причины, она была фоном — постоянной, тихой, ноющей нотой, на которой строилась вся жизнь Марины: всегда быть готовой, всегда быть на месте, всегда быть нужной.

«Я должна» — подумала Марина, ещё не открыв глаз.

Айя слушала изнутри мысль Марины, она была не словами, а ощущением: плотным, давящим, как рука на плече. «Я должна встать. Должна принять душ. Должна приготовить завтрак. Должна приехать на работу к восьми. Должна сдать отчёт. Должна. Должна. Должна».

Программа включилась до того, как проснулось сознание, она работала, как автопилот: пока человек спит, программа ведёт, руль всегда в руках программы.

Марина встала. Тело двигалось чётко, без лишних жестов: шаг, шаг, ванная, кран, холодная вода, зеркало. В зеркале — лицо, которое Айя видела впервые. Не уродливое, не красивое — усталое. Тёмные круги под глазами, губы сжаты в тонкую линию, кожа сероватая от усталости. Глаза — карие, маленькие, смотрящие не на себя, а сквозь себя, как смотрят люди, которые давно перестали видеть своё отражение и используют зеркало только для проверки: всё ли в порядке? Всё ли на месте? Можно ли выходить?

Айя попыталась шевельнуться, просто шевельнуться — пошевелить пальцем, моргнуть иначе, повернуть голову — тело не послушалось. Палец Марины нажал на тюбик с пастой, рука поднесла щётку ко рту, челюсть заработала — чётко, ритмично, как метроном.

«Марина» — позвала Айя.

Никакого ответа. Марина чистила зубы.

«Марина, слышишь меня?»

Тишина. Только звук щётки и воды. Марина не слышала, программа «я должна» была слишком громкой: она заглушала всё, как радио на полную мощность заглушает разговор.

Айя отступила: здесь не пробиться через голос. Здесь нужно пробиваться через ощущение.

Завтрак: кофе и бутерброд с сыром. Марина ела стоя, у

окна, глядя во двор. Тополь ронял листья, внизу женщина выгуливала собаку, мужчина в куртке заводил «Ладу», жизнь шла — тёплая, медленная, краснодарская. Воздух пах землёй и бензином, солнце вставало над крышами, розовое, мягкое, как персик.

Айя смотрела на всё это из глаз Марины и чувствовала: *«Вот она. Земля. Я помню»*. Но ощущение было далёким, как музыка из соседней комнаты: слышишь, но не попадаешь в ритм, потому что между Айей и миром стояла программа Марины — стена из «должна», которая не пропускала ничего, что не вписывалось в расписание.

Марина допила кофе, поставила чашку, вытерла стол, проверила, выключена ли плита, проверила, закрыт ли кран, проверила, выключен ли свет в ванной, проверила дважды. Программа «я должна» не терпит незавершённости: каждый цикл должен быть закрыт, каждая дверь — заперта.

Она вышла из квартиры, ключ повернулся дважды, замок щёлкнул. Марина пошла вниз по лестнице — быстро, не глядя на ступени, ноги знали маршрут.

Краснодар просыпался.

Город не просыпается, как просыпаются северные города — рывком, с криком, с морозом. Краснодар просыпается медленно, как кот: потягивается, зевает, поворачивается на другой бок, потом ещё раз, и только потом — встаёт. Утро здесь не резкое, а влажное. Воздух густой, как кисель, пахнет пылью, кофе и чем-то сладковатым от хлебозавода, солнце

поднимается лениво, как будто ему некуда спешить и людям тоже некуда — но они спешат, потому что должны.

Марина вышла из подъезда и пошла к остановке. Рядом такие же, как она: женщины с сумками, мужчины с портфелями, студенты с рюкзаками, все шли, все спешили, все были в программе — каждый в своей, но все в одном ритме: «должен», «должна», «должно». Город двигался, как механизм, и каждый человек был винтиком, который не задаёт вопросов, потому что вопросы — это трение, а трение — это поломка, а поломка — это сбой системы.

Айя чувствовала это, не видела — чувствовала изнутри. Программа Марины входила в неё, как вода в трюм: постепенно, со всех сторон. *«Иди. Не оглядывайся. Не задавай вопросов. Делай, что должна»*. И Айя — впервые — почувствовала, каково это: быть внутри чужой программы. Это было не больно, это было... тускло. Как будто кто-то убавил яркость мира, цвета стали бледнее, звуки — глуше, запахи — слабее. Программа «я должна» не убивала жизнь — она делала её фоновым шумом.

На остановке стояла маршрутка. Марина вошла. Внутри — жара, пот, чей-то телефон играет «Шансон», водитель ругается на медлительного пешехода. Марина села у окна, прижала сумку, посмотрела в телефон — проверить почту, проверить список задач, убедиться, что день расписан, что нет пустот, нет зазоров, нет места для неожиданного.

«Марина» — снова позвала Айя, и на этот раз — осторож-

но. Не голосом, а ощущением: теплом, теплом, которое она несла от отца - маленьким, слабым, как спичка, зажжённая в метель.

Марина вздрогнула, не заметно — только внутри. Вздрогнула так, как вздрагивают, когда в тишине вдруг услышат далёкую музыку, она не поняла, что это, но на секунду — на одну секунду — оторвала взгляд от телефона и посмотрела в окно.

За окном — Краснодар. Улица Красная. Фасады с лепниной, балконы с цветами, кафе с вывесками, тополь роняет листья, девочка продаёт воздушные шары, старик кормит голубей. Жизнь. Настоящая, тёплая, живая.

Марина посмотрела — и отвернулась. Программа вернула её к экрану. *«Отчёт. Excel. Квартал. Совещание в три».*

Айя поняла: тепла мало, одной спички недостаточно - нужно больше, но не больше тепла, а больше трещин. Нужно найти то, что программа не может закрыть, то, что сильнее «должна». И Айя начала искать.

Маршрутка шла по Красной и уткнулась в пробку.

Краснодарские пробки — особенные. Не московские, не питерские — южные: тёплые, тягучие, как карамель, в них не сигналият яростно — сигналият лениво, безнадёжно, как будто знают, что это не поможет, в них не ругаются матом — ругаются тихо, себе под нос, больше для порядка, них все всё понимают и никто не торопится, потому что торопиться в краснодарской пробке — это как грести в каше.

Марина сидела в маршрутке и нервничала. Внутри.. Программа «я должна» не терпела задержек, каждая минута в пробке была украденной минутой - недоданной, недоработанной, невыполненной. Желудок сжимался, пальцы барабанили по колену, глаза бегали между часами на телефоне и дорогой за окном.

Айя чувствовала это нервное биение, как чувствуют чужое сердцебиение, прижавшись спиной к спине и думала: *«Она не живёт, она выполняет. Каждая минута — не жизнь, а задача, каждая секунда — не время, а ресурс, она не едет на работу — она бежит от пустоты, потому что пустота — это когда «не должна», а когда «не должна» — то кто ты?»*

Пробка рассосалась у перекрёстка с Северной, маршрутка выехала на улицу Карасунскую, проехала мимо рынка, мимо торгового центра, мимо аптеки с мигающим крестом. Район был знакомый, привычный, вылизанный программой до блеска: каждый поворот — известен, каждый дом — учтён, каждый светофор — внесён в график. Марина знала этот маршрут, как знает молитву: не думая, не глядя, не чувствуя.

Она вышла у серого здания из белого кирпича, три этажа, табличка «ООО Юг-Аудит». Вошла. Поднялась на второй этаж. Открыла дверь своим ключом — у Марины был свой ключ от офиса, и это было не привилегия, а обязанность: тот, у кого ключ, должен приходить первым и уходить последним.

Офис: четыре стола, четыре компьютера, четыре чашки с оттисками губ. Запах старого линолеума и принтера. На стене — календарь с видом Сочи, который никто не менял с прошлого года. На подоконнике — фикус, который Марина поливает по понедельникам и четвергам, не потому что любит, а потому что должна.

Марина села за стол. Включила компьютер. Открыла таблицу. И вот тут — вот тут — Айя впервые увидела программу Марины в её полной, безжалостной, кристальной форме.

Таблица. Бесконечная таблица. Столбцы и строки, цифры и формулы, суммы и проценты. Марина не просто работала в ней — Марина жила в ней. Каждая ячейка была клеткой, и в каждой клетке — долг. Не перед компанией — перед собой, потому что если ячейка пуста, значит, Марина не справилась, а если Марина не справилась — значит, Марина плохая, а если Марина плохая — значит, её можно бросить, а если её можно бросить — значит, она одна, а если она одна — тогда зачем всё это?

Программа «я должна» была не приказом - она была страховкой. Единственным способом не оказаться отвергнутой: быть полезной, быть нужной, быть незаменимой. Быть — чтобы не быть брошенной.

Айя поняла это и замерла, потому что узнала не программу — боль. Боль, которая прячется за «должна», как ребёнок прячется за материнской юбкой. Боль, которая звучит как: *«Если я перестану быть нужной, меня перестанут видеть»*.

«Отец говорил: Земля принадлежит тем, кто её помнит, а Марина не помнит Землю, она помнит только таблицу. Таблица — её земля. Таблица — её дом. И если я заберу у неё таблицу, она останется без дома, без дома и без себя».

Впервые Айя почувствовала то, чего не ожидала: жалость. Не к Марине — к себе самой, потому что она поняла: она пришла спасти мир, но мир состоит из людей, которые не хотят спасения, они хотят, чтобы их не трогали, чтобы программа работала, чтобы было привычно, тускло, безопасно.

«Но отец сказал: Земля моя по праву памяти. По праву тепла. По праву любви».

Айя отступила и стала ждать.

Утро шло. Марина работала. Вошла Елена Сергеевна — начальница, женщина с тёмным каре и глазами, которые смотрят не на тебя, а в твой отчёт.

— Доброе утро, Марина. Отчёт готов?— Доброе утро, Елена Сергеевна. Отчёт готов.

Айя слушала этот диалог изнутри и поражалась: два человека разговаривают, но не видят друг друга - Елена Сергеевна видит функцию, Марина видит задачу, ни одна не видит человека. Программа «я должна» действует не только на Марину — она заражает всё вокруг. Как вирус, как тот самый вирус, который сожрал мир Айи.

«Вот как он начинается» — подумала Айя. «Не с катастрофы. С утра. С "доброе утро", которое не доброе, с улыбки, которая не улыбка, с "отчёт готов", которое зна-

чит "я существую, пока я полезна". Вирус — это не чёрный код, вирус — это когда люди перестают быть людьми и становятся функциями».

Марина работала. Час. Два. Три. Пальцы по клавишам, глаза в экран, спина прямая от напряжения - она не вставала, не пила воду, не выходила. Программа «я должна» не разрешала перерывы: перерыв — это незавершённость, незавершённость — это страх, страх — это сбой, сбой — это катастрофа. Лучше не прерываться. Лучше держать. Держать. Держать.

В двенадцать — обед. Марина не хотела обедать, но программа «я должна» включала и обед: нужно есть, чтобы работать, есть — не для удовольствия, а для функции. Марина взяла сумку и вышла.

Она пошла в кафе через дорогу. Маленькое, с пластиковыми столами и запахом жареного лука. Марина взяла салат и кофе, села у окна, достала телефон — проверить почту.

В этот момент Айя увидела, что за окном кафе, через стекло, мимо прошёл мужчина. Высокий, в тёмной куртке, с тонкими руками и усталой походкой человека, который идёт, но не знает куда, на запястье левой руки — татуировка. Знак. Маленький, тёмный, в виде спирали с точкой в центре.

Айя узнала его.

Узнала ощущение. Спираль с точкой — это символ их мира, знак корабля, знак дома. Знак, который отец рисовал на песке, когда учил их с Элом ориентироваться: «Спираль —

это путь домой. Точка — это ты. Если ты помнишь, где точка, — ты найдёшь спираль. Если помнишь спираль — найдёшь дом».

Айя рванулась внутри Марины, как рвётся птица из клетки. *«Там! Он! Смотри! Смотри!»*

Марина подняла глаза лишь потому, что между ней и экраном телефона прошло что-то тёплое. Тепло, которое Айя направила, как луч: узкий, точный, как лазер, тепло, которое отец вложил в неё на холме.

Марина посмотрела в окно. Без мыслей посмотрела на мужчину, на спираль на его руке.

Она не знала этого знака, никогда его не видела, но замерла. Она почувствовала, впервые за годы — не «должна», не «надо», не «срочно», а что-то другое, тонкое, как нитка, как далёкая музыка из открытого окна. Любопытство.

«Что это? Почему я смотрю? Почему мне не оторваться?»

Айя продолжала направлять тепло, направлять любопытство, как луч, как компас, как стрелку. *«Встань. Иди за ним. Встань. Иди. Это важно. Это важнее отчёта. Это важнее всего».*

Марина встала, стул отъехал назад, кофе плеснул через край и она даже этого не заметила. Она была уже возле двери и рука толкнула стекло, воздух ударил в лицо — тёплый, краснодарский, с запахом пыли и бензина — Марина вышла на тротуар.

Мужчина шёл по улице Красной в сторону центра, Марина пошла за ним. Ноги — быстрее, сердце — громче, программа — тише. Впервые за годы Марина делала что-то, чего не было в расписании, не потому что должна, а потому что — чувствует.

Чувствует. Это слово было таким незнакомым, что Марина споткнулась. Не ногами — внутри. *«Чувствую? Я чувствую. Я не помню, когда чувствовала. Я только должна. Я только надо. Я только срочно»*. И всё же она шла, потому что тепло вело, и любопытство вело, и что-то, чему нет названия, вело — и это было сильнее программы.

Два квартала. Три. Мужчина шёл, не оглядываясь, Марина — за ним. Внутри неё Айя трепетала: *«Ближе. Ещё. Если я увижу его лицо — я узнаю. Отец сказал: по теплу, но вдруг и по лицу. Вдруг я вспомню»*.

Но на середине четвёртого квартала программа ударила. Как кулак в живот, изнутри. Из самого глубокого, самого тёмного места, где жила не мысль, а инстинкт: *«Ты что делаешь? Ты идёшь за незнакомым мужчиной. У тебя совещание в три. У тебя отчёт не сдан. У тебя Елена Сергеевна ждёт. Ты что, с ума сошла? Вернись. Вернись немедленно. Ты должна»*.

Марина остановилась, как будто наткнулась на стену, ноги встали, руки опустились, сердце замерло. Программа навалилась — тяжёлая, давящая, как бетонная плита: *«Вернись. Вернись. Вернись»*.

Марина развернулась и пошла обратно - быстро, не оглядываясь, сгорбившись, как человек, который бежит от своего собственного «чувствую».

Айя кричала, беззвучно, внутри, в той комнате, куда Марина не слышала: *«Нет! Нет! Вернись! Он там! Он рядом! Пожалуйста!»* Но Марина не слышала, программа «я должна» была громче, она всегда была громче.

Айя замолчала и подумала: *«Отец говорил: Земля моя по праву, но я не могу забрать чужую землю, я могу только войти в неё и если хозяйка земли говорит "вернись" — я возвращаюсь. Потому что это её земля, её день, её тело. Я — гость»*.

И впервые Айя почувствовала, как это — быть гостем, не в чьём-то доме — в чьём-то дне. В чужом понедельник, в чужом «я должна», в чужом страхе. Быть гостем и не сметь ничего трогать и менять.

Марина вернулась в офис. Села за стол. Открыла таблицу. Программа победила.

Она работала до вечера: отчёт, совещание, телефонный звонок, ещё отчёт, ещё совещание. Елена Сергеевна кивала. Марина кивала. Фикус на подоконнике не кивал — он просто стоял, зелёный, молчаливый, единственное живое существо в офисе, которое не было в программе.

Айя затихла. Не сдалась — затихла. Наблюдала. Училась. Она видела, как программа работает: не как тюремщик, а как нянька. «Я должна» не наказывало — оно заботилось. Оно

говорило: *«Не выходи за рамки, и с тобой ничего не случится. Не хоти — и не разочаруешься. Не спрашивай — и не узнаешь лишнего. Будь полезной — и тебя не бросят».*

Программа была не врагом, она была бронёй и броня была надета так давно, что срослась с кожей.

«Как снять броню, не содрав кожу?» — думала Айя.

Ответа не было. Не сегодня.

Но Айя кое-что получила. Зацепку.

Мужчина шёл по улице Красной в сторону центра, в районе кинотеатра «Аврора» он свернул. Айя запомнила: кинотеатр «Аврора», угол Красной и Кропоткина, татуировка — спираль с точкой, и это не случайность. Спираль — знак корабля, если человек носит его на теле — он знает, знает о корабле, о душах, о матрице, может быть, он — связной? Может быть он знает, где Эл.

«Зацепка» — подумала Айя. — *«Первая зацепка за весь день. Единственная».*

Вечер пришёл тихо. Краснодар не темнеет резко — он гаснет постепенно, как догорающий костёр: сначала розовеют крыши, потом фонари включаются — жёлтые, тёплые, ленивые, потом небо становится лиловым, потом тёмно-синим, потом — чёрным, с редкими звёздами, которых почти не видно из-за подсветки и смога.

Марина вышла из офиса в семь. Рабочий день закончился, но программа «я должна» не выключалась: *«Надо купить хлеб. Надо позвонить маме. Надо проверить, не при-*

шло ли письмо на почту». Она шла по улице Красной, мимо кафе, мимо аптек, мимо вывесок, которые светились в темноте, как светляки. Люди шли рядом — усталые, молчаливые, каждый в своей программе, каждый в своей клетке. Город был полон клеток: невидимых, неосязаемых, но плотных, как стены, каждый человек нёс свою — и не знал, что несёт.

Марина дошла до дома. Поднялась. Открыла дверь. Включила свет. Сняла обувь. Надела тапочки. Включила чайник. Позвонила маме. Мама сказала: *«Ты ела? Не забывай есть. И спать ложись вовремя»*. Марина сказала: *«Хорошо, мам»*. Программа «я должна» включала и звонок маме: не потому что хочет — потому что должна. Но где-то под программой, глубоко, в том месте, куда Айя не могла дотянуться, было что-то тёплое. Маленькое. Как уголёк под золой. Мамино *«ты ела?»* — это было не про еду. Это было про: *«ты есть, и я за тебя боюсь»*. Марина не слышала этого. Но Айя — слышала.

«Вот она» — подумала Айя. — *«Трещина, маленькая, как волосок, но она есть под программой, под "должна", под всем. Там, где мама говорит "ты ела?" — там живая Марина. Настоящая. Не функция — человек»*.

Марина поужинала. Посмотрела телевизор. Новости — другой город, другой мир, чужие проблемы, которые программа «я должна» регистрировала, но не чувствовала. Марина смотрела и не видела. Глаза открыты, сознание — вы-

ключено. Программа дала ей отдых — не потому что заботилась, а потому что тело нужно было зарядить на завтра. Завтра — снова «должна». Завтра — снова таблица. Завтра — снова без вопросов.

В десять тридцать Марина легла. Выключила свет. Закрывает глаза. Тело начало отпускать: мышцы расслаблялись, дыхание замедлялось, мысли — одна за другой — гасли, как свечи, задутые ветром усталости.

Айя почувствовала: она уходит.

Не сама — тело выпроваживало её. Как хозяин выпроваживает гостя, когда вечер окончен: вежливо, но непреклонно. Сон — это граница, тело засыпает — душа выходит. Таков закон. Сутки — и точка.

Айя скользила к выходу — через темя, через макушку, вверх. Последнее, что она чувствовала, — дыхание Марины: ровное, тёплое, живое и последнее, что она подумала, прежде чем тело отпустило её: *«Марина. Ты не должна. Ты — есть. И этого достаточно».*

Марина не услышала. Она спала. Но во сне — в одном из снов, которых не запомнит утром — она шла по улице Красной за мужчиной с татуировкой и не остановилась, и дошла...

Возвращение на корабль было как нырок из тёплой воды в ледяную.

Айя вырвалась из тела и мир пропал: запахи, звуки, цвета — всё исчезло. Осталась только тишина корабля: ровная,

стерильная, мёртвая. И холод. Не краснодарский, не тёплый, не влажный — космический, тот, что не имеет температуры, а имеет отсутствие: отсутствие тепла, отсутствие жизни, отсутствие всего.

Айя материализовалась на борту — души встретили её, они тянулись к ней, как тянутся к костру, когда замёрзли. *«Как там? Земля? Живая? Ещё есть время?»*

Айя не отвечала. Она стояла — если можно стоять, не имея ног — и дрожала от ощущения потери. Только что она была внутри самой жизни, чувствовала сердце Марины, её желудок, её усталость, её страх, а сейчас — ничего. Пустота. Как будто кто-то вынул тебя из тёплой постели и поставил на ледяной пол босиком.

Каждый прыжок — это потеря, ты теряешь тело, которое знала, теряешь день, который прожила, теряешь человека, в котором была. Завтра — другое тело, другой день, другой человек, а этот — Марина — исчезнет. Она проснётся, пойдёт на работу, откроет таблицу, но Айя никогда больше не вернётся в неё, никогда больше не почувствует её сердцебиение изнутри, никогда больше не увидит мир её глазами.

И от этой необратимости Айя дрожала.

Потому что каждый прыжок — это ещё и риск. Большой. Молчаливый. Тот, о котором не говорят, но все знают.

Прыжок — это переход. Между кораблём и Землёй — ничто. Пустота без воздуха, без света, без опоры. Душа проходит через неё, как игла через ткань: тонко, быстро, на одном

дыхании, но пустота — не просто пространство, она — живая, она — голодная, она — жадная, она тянется к душе, как тянется тьма к свету. Если душа замешкается, если потеряет ориентир, если тепло дрогнет и погаснет — пустота её удержит, не убьёт — удержит, душа зависнет в ничто, без тела, без корабля, без земли. Навсегда.

Отец не говорил ей этого, но она знала, знала так, как знают, что огонь обжигает: не из слов — из сути. Каждый прыжок может быть последним. Каждый — это лотерея: попасть или исчезнуть.

Айя стояла перед Советом — души собрались в одну точку, — и давала отчёт.

— Тело не подчинилось. Программа «я должна» блокирует восемьдесят процентов действий, голос не пробивается, движения — нет. Я не могу управлять телом напрямую, только влиять через ощущения, через тепло, но тепла мало, моего тепла — мало.

Совет молчал. Потом — одна мысль, общая, тяжёлая:

«Зацепки?»

— Одна. Мужчина. Татуировка — спираль с точкой, знак корабля. Замечен у кинотеатра «Аврора», угол Красной и Кропоткина. Двигался в сторону центра.

Совет дрогнул. Спираль на Земле? Кто-то носит знак корабля на теле, кто-то знает.

«Связной?»

— Возможно. Или брат. Я не видела лица, но знак — наш

и это не случайно.

«Охотники?»

Айя замолчала.

— Они засекли меня.

Тишина. Души замерли.

— Пока я была в Марине, — продолжила она, — произошёл скачок нейронной активности. Марина встала из-за стола и пошла за незнакомым мужчиной, для Марины это неадекватно, она никогда так не делает и это аномалия. Охотники читают аномалии и они засекли всплеск и сузили район. Они знают, что душа была в районе улицы Красной, но не знают, в ком именно. Они ищут.

«Сколько у нас?»

— Двадцать три дня. Двадцать три тела.

«Хватит?»

— Не знаю.

И это была правда. Айя не знала. Она не знала, найдёт ли она Эла за двадцать три прыжка, не знала, пробьётся ли через чужие программы, не знала, выживет ли в пустоте между прыжками, не знала, не догонят ли охотники.

Она знала одно: тепло. Тепло, которое дал отец, тепло, которое дрожало, но не гасло.

«Тепло не подводит» — сказал отец.

«Тепло не подводит» — повторила Айя.

Совет расходился. Души расходились — медленно, как расходится туман. Каждая думала своё: одна — о доме, дру-

гая — о теле, третья — о том, успеет ли Айя. Айя стояла одна.

В корабле было тихо. Тихо так, как бывает тихо только в космосе: не тишина, а отсутствие звука, не покой, а отсутствие всего. Стены не дышали — они молчали, пол не хранил тепло — он забыл, что такое тепло, потолок не мерцал — он спал.

Айя думала о Марине. О её тапочках, о её фикусе, о её маме, которая говорила *«ты ела?»*. О том, как Марина остановилась на полпути и как программа потащила её обратно.

«Она не виновата» — думала Айя. — *«Её программа — не враг. Её программа — это она сама. Сросшаяся, вросшая, неотделимая. Я не могу вырвать программу, не вырвав кусок живого. Мне нужно найти трещину. Каждая программа имеет трещину. Даже "я должна". Даже у самой плотной стены есть трещина — там, где когда-то был дверной проём, который заложили кирпичом. Нужно найти кирпич, который шатается»*.

У Марины шатающийся кирпич — это любопытство. Одна секунда, когда она посмотрела в окно маршрутки и увидела тополь, девочку с шарами, старика с голубями. Одна секунда, когда она не была «должна», а была живая.

«Завтра — другое тело. Другая программа. Другой кирпич. И так — двадцать три раза».

Айя замолчала и в тишине корабля в этой стерильной, мёртвой, безжалостной тишине — слышала два голоса.

Один — отец: *«Ты найдёшь. Тепло не подводит».*

Другой — Эл, детский, летящий: *«Подожди! Я тоже хочу видеть!»*

— Я иду, — шепнула Айя в тишину. — Я иду.

Корабль молчал. Где-то внизу, в темноте, под облаками, спал Краснодар. Спала Марина — и видела сон, в котором шла за мужчиной с татуировкой и не остановилась...

Спали Светлана, Римма, Дарья, Нина — двадцать три тела, которые ещё не знали, что завтра утром в них войдёт кто-то чужой, кто-то тёплый, кто-то, кто ищет брата.

И кто-то, кто может не вернуться.

Рассвет поднимался над Краснодаром. Небо розовело. В одном из домов на улице Мира женщина по имени Светлана открыла глаза — ещё не зная, что внутри неё кто-то есть. Что у неё есть ровно сутки, что мир зависит от того, сможет ли незнакомая душа пробиться сквозь её *«я недостойна»*.

И что второе утро её дня, второе утро Айи, уже началось.

Светлана, 28 лет, бариста — *«Я недостойна»*

Айя летела. Не вниз — внутрь. Не падала — входила. Как игла входит в ткань: тонко, точно, беззвучно, но ткань сопротивлялась. Сопротивлялся не мир, сопротивлялась пустота. Пустота тянула, хватала, присасывалась, как присасывается тень к свету. *«Зачем тебе туда? — шептала пустота. — Зачем тебе тело? Зачем тебе земля? Зачем тебе брат, который тебя забыл? Остайся. Здесь тихо. Здесь не больно. Здесь не надо».*

Айя не отвечала. Она держала тепло. Тот уголёк, который отец вложил в неё на холме. Держала его обеими руками, которых у неё не было. Держала всем собой, всей памятью, всем звуком отцовского голоса: *«Ты найдёшь. Тепло не подводит».*

Пустота отпустила.

И Айя вошла.

Тело встретило её равнодушно, но тяжело. Как встречают незваного гостя: не выгоняют, но и не радуются. Стены раздвинулись, пропустили — и тут же сомкнулись, обхватили, стиснули. Чужое дыхание, чужое сердцебиение, чужой желудок, в котором — не тревога, как у Марины, а тошнота. Не от еды — от жизни.

Светлана просыпалась.

Медленно. Не рывком, не по будильнику, а как выбирают- ся из глубины: тяжело, задыхаясь, не понимая, где поверхность. Глаза открылись и мир не обрадовал: потолок с трещиной в углу, обои, которые когда-то были бежевыми, а стали серыми от времени и сигаретного дыма, окно за шторой — плотной, тёмной, не пропускающей свет, потому что Светлана не любит утренний свет. Утренний свет — это когда ты видишь себя, а Светлана не хочет себя видеть.

Айя вошла в тело — и первое, что она почувствовала, было не физическое, а психологическое, не тяжесть, не боль — а **пустота**. Пустота космоса была мёртвая, стерильная, эта же — живая. Тёплая. Тягучая. Как болото, в котором нет воды, а есть жижа: не тонешь и не плывёшь — просто стоишь и вязнешь. Чем больше движешься — тем глубже, чем меньше — тем медленнее тонешь, но тонешь всегда.

Программа Светланы включилась до пробуждения. Она работала не как программа Марины — не командой, не приказом, не «должна», она работала как фон, как белый шум, как тиканье часов, к которому так привык, что перестал слышать, но которое никогда не замолкает. Это был не голос — это был воздух. Воздух, которым Светлана дышала, воздух, который был отравлен не ядом - сомнением.

«Ты недостаточно» — говорил воздух.

Недостаточно — чего? Всего. Недостаточно умная. Недостаточно красивая. Недостаточно стройная. Недостаточно молодая. Недостаточно опытная. Недостаточно уверенная.

Недостаточно. Одно слово. Без объекта. Просто — недостаточно. Как приговор без статьи. Как диагноз без болезни. Ты не больна, не уродлива, не глупа — ты просто недостаточно. И это — навсегда.

Айя почувствовала это и замерла, потому что это было хуже, чем «я должна». У Марины была стена — плотная, непробиваемая, но видимая. У Светланы стены не было. Был туман. Не видно, во что упираешься, не видно, откуда бьёт, не видно, куда идти. Просто — туман, в котором каждое направление — неправильное, потому что ты недостаточно, чтобы выбрать правильно.

Светлана жила на улице Мира, в съёмной квартире на четвёртом этаже хрущёвки. Хрущёвка — не краснодарская, а советская: тонкие стены, низкие потолки, кухня, в которой двое поворачиваются с трудом. Но Светлана не жаловалась, она не жаловалась никогда, потому что жалоба — это претензия, а претензия — это «я заслуживаю лучшего», а Светлана не заслуживает. Она знала это. Знала так, как знают, что солнце встаёт на востоке: не проверяя, не сомневаясь. Просто — знала.

Квартира была чистая — не от любви к порядку, а от страха. Страх, что кто-то зайдёт и увидит грязь, грязь — это «она не справляется», «не справляется» — это «она плохая», «плохая» — это «её можно не любить». Цепочка: от немытой чашки до «меня нельзя любить». И Светлана мыла чашки. Каждый день по три раза, и протирала стол, и складыва-

ла одежду, и проверяла, не осталось ли пятен на зеркале — не потому что любила чистоту, а потому что боялась улики, улики, которая докажет: она недостаточно.

Айя осмотрелась изнутри. Маленькая кухня, две чашки на полке (одна — с отколотым краем, Светлана пьёт из неё, а хорошую ставит для гостей, которые никогда не приходят), холодильник с магнитом «Я люблю Краснодар», который подарила коллега, и который Светлана не сняла, потому что выбросить — это «неблагодарность», а быть неблагодарной — это «плохая». Стул у окна, на котором стопка книг, которые она не дочитала, не потому что скучно, а потому что «зачем дочитывать, если ты всё равно не поймёшь». Программа работала даже с книгами.

В ванной — зеркало. Большое, во весь рост. Светлана не смотрела в него утром, она умывалась, опустив глаза, чистила зубы, не поднимая головы, причёсывалась на ощупь. Зеркало было врагом. Не потому что в нём отражалось уродство — нет. Светлана не была уродлива, она была нормальная. Обычная. Не выдающаяся. И именно это было невыносимо. Не «я некрасивая» — а «я не достаточно красивая, чтобы кто-то посмотрел. Не достаточно интересная, чтобы кто-то запомнил. Не достаточно, чтобы кто-то выбрал». Зеркало подтверждало: нормальная. Не плохая, не хорошая — нормальная. А «нормальная» в программе «недостойна» — это хуже, чем «плохая». Потому что плохая хотя бы есть, а нормальная — не есть. Нормальная — это пустое место, на

котором можно поставить чашку. Как стол.

Айя смотрела из глаз Светланы и чувствовала: эта программа не бьёт, она — размывает. Не «нельзя» — а «зачем». Не «не смей» — а «всё равно не получится». Не «стой» — а «какой смысл идти». Она не останавливает — она делает бессмысленным. Каждый шаг — можно. Но зачем?

Светлана оделась. Джинсы, серый свитер, кроссовки. Ничего яркого. Яркая одежда — это «обрати на меня внимание», а «обрати на меня внимание» — это «посмотри на меня», а «посмотри на меня» — это «оцени», а «оцени» — это «недостаточно». Поэтому — серый свитер, серый, как туман, серый, как её программа.

Она вышла на улицу. Утро было краснодарское — мягкое, тёплое, с запахом кофе из пекарни на первом этаже. Двор — маленький, с детской площадкой, на которой ржавые качели скрипели даже без ветра. Рядом — старушка поливала герань на балкете. Кот сидел на капоте «Жигулей» и смотрел на мир с тем спокойным достоинством, которое доступно только котам и людям, свободным от программ.

Охотники появились утром. Ещё до того, как Айя вошла в тело Светланы.

Двое. Мужчина и женщина. Не выделялись — не для Краснодара, где все одеты по-разному и никто не смотрит на чужую одежду. Мужчина — лет сорока, в серой куртке, с лицом, которое ничего не выражало. Не злое, не доброе — **никакое**. Лицо-стена. Лицо-функция. Женщина — моложе,

лет тридцати, с короткими волосами и глазами, которые двигались быстро, как камеры наблюдения: скользили по лицам, по окнам, по теням. Они не разговаривали, не трогали друг друга. Шли рядом, но не вместе. Как два патруля, которые знают маршрут, но не знают друг друга.

Светлана шла на работу. Пешком — двадцать минут от дома до кофейни «Бариста» на улице Красной. Она ходила пешком не потому что любила ходить, а потому что маршрутка стоит деньги, а деньги — это «я трачу слишком много», а «слишком много» — это «я не заслуживаю». Она экономила на себе — не от бедности, а от убеждения, что каждый рубль, потраченный на себя, — это рубль, на который она не имела права.

Айя шла внутри Светланы и чувствовала каждый шаг. Ноги — лёгкие, молодые, сильные. Светлана была здорова. Тело — хорошее, выносливое, способное, но программа не видела тела, программа видела только «недостаточно». Тело могло бежать марафон, а программа шептала: «Ты не добежишь. Ты не настолько сильная. Другие — да. Ты — нет».

Улица Мира вела к Красной. Краснодар жил. Машины, маршрутки, пешеходы, велосипедисты. Мужчина в рабочей одежде грузил ящики у магазина «Магнит». Женщина с ребёнком на руках ждала автобус. Подростки в школьной форме шли, толкаясь и смеясь. Мир был полон людей, которые занимали место — спокойно, без спроса, без разрешения. Они просто — были. Занимали пространство, дышали воз-

духом, шумели, толкались, ели, пили, смеялись не потому что заслужили, а потому что — жили.

Светлана шла мимо них и чувствовала: *«Они — есть. А я — как будто есть, но не совсем. Как будто меня налили в стакан, но не до краёв. Как будто я — набросок, а не рисунок. Черновик, который не переписали набело»*.

Айя слышала это и думала: *«Марина думала "я должна". Светлана думает "я недостойна". Между этими программами — пропасть. Марина действует, потому что должна. Светлана не действует, потому что недостойна. Марина — винтик, который крутится. Светлана — винтик, который лежит. Но оба — винтики. Оба — не люди. Оба — функции. Только одна — функция "делать", а другая — функция "не быть"»*.

Кофейня «Бариста» стояла на углу Красной и Кропоткина — в ста метрах от кинотеатра «Аврора». Маленькая, с деревянным фасадом и вывеской, на которой нарисована чашка с паром. Внутри — три столика, стойка, кофемашина, которая гудит, как старый кот, и запах: кофе, корица, выпечка. Утренний свет падает через окно косо, полосами, ложится на пол желтоватыми прямоугольниками.

Охотники стояли рядом с кинотеатром «Аврора». Тот самый район, где вчера Айя — через Марину — засветилась аномалией. Охотники сужали круг. Вчера — район улицы Красной. Сегодня — конкретный перекрёсток. Завтра — конкретный дом.

Они не знали, в ком душа. Они не читали мысли — они читали поведение. Аномалия — это скачок: человек, который всегда сидит, вдруг встаёт. Человек, который всегда молчит, вдруг говорит. Человек, который всегда идёт по маршруту, вдруг сворачивает. Любое отклонение — сигнал. Любой сигнал — координата. Любая координата — шаг ближе.

Айя чувствовала их. Не видела — чувствовала. Как чувствуют опасность: не глазами, а желудком. Тело Светланы — не знавшее об охотниках, не боявшееся их — всё равно реагировало: лёгкая тошнота, мурашки на руках, необъяснимое желание уйти с этого перекрёстка. Это был не страх Светланы. Это был инстинкт. Тело знало: что-то — не так. Что-то — рядом.

Светлана вошла в кафе. Надела фартук — чёрный, с логотипом кофейни. Повязала волосы не потому что так надо, а потому что «распущенные волосы — это неряшливо, а неряшливо — это плохо, а плохо — это недостойно». Поприветствовала коллегу — Настю, 22 года, рыжую, шумную, громкую. Настя обняла её:

— Светка, доброе утро! Как дела?

Светлана улыбнулась. Маленькой, лёгкой, тренированной улыбкой, которая говорила «всё хорошо» и не оставляла щели. Эта улыбка была маской — не от мира, а от Насти. Настя не знала, что внутри Светланы — туман. И Светлана не хотела, чтобы знала. Потому что «если узнают — отвернутся».

Отвернутся — не от жалости, от усталости. Никто не хочет туман, все хотят солнце.

Айя наблюдала за Настей. Настя была полная противоположность Светланы: громкая, яркая, не сомневающаяся. Не потому что уверена, а потому что не думает. Настя не задавала вопросов «достаточно ли я». Настя просто была. И это было странно для Айи: как можно просто быть? Без программы? Без «должна» или «недостойна»? Просто занимать место, шуметь, смеяться, занимать воздух?

«Вот она — трещина» — подумала Айя. — «Не в Светлане. В мире. Рядом со Светланой, Настя живая, не запрограммированная, не в тумане. Если Светлана увидит Настю не как коллегу, а как человека, то может, туман поредеет?»

Но Светлана не видела. Светлана видела только: Настя красивее. Настя увереннее. Настя нравится клиентам. Настя — лучше. А Светлана — хуже. Всегда — хуже.

Утро шло. Клиенты входили и выходили. Студенты с ноутбуками, мамы с колясками, мужчины в костюмах, женщины с макияжем. Каждый — со своей программой, со своим туманом, со своей клеткой. Но Айя не могла их видеть — она была внутри Светланы, и видела только то, что видела Светлана, а Светлана видела клиентов как оценки: этот улыбнулся — хорошо, этот не улыбнулся — плохо, этот сказал «спасибо» — нормально, этот ничего не сказал — я что-то сделала не так.

Айя направила внимание Светланы к окну, к кинотеатру «Аврора» — через дорогу. Старый, с колоннами, с афишами, на которых фильмы, которые никто не смотрит, у входа — пустая площадка с клумбой, на которой чахнут бархатцы. Справа — автобусная остановка. Слева — перекрёсток со светофором.

Айя давила: *«Смотри. Смотри туда. Мужчина. Татуировка. Спираль. Он может прийти»*.

Но Светлана не смотрела, Светлана протирала стойку, потому что стойка — это безопасно, стойка — это «я делаю, я полезна, я на месте», а смотреть в окно — это «я бездельничаю», а «я бездельничаю» — это «я плохая», а «я плохая» — это «недостойна». Программа закрывала окно, как штора закрывает свет.

Айя увидела — через окно, через стекло, через свет — как охотники переглянулись. Не головами — глазами. Быстро, коротко, как переглядываются люди, которые давно работают вместе и не нуждаются в словах. Мужчина чуть кивнул в сторону кофейни. Женщина чуть наклонила голову — «вижу». И они разошлись: он — налево, к автобусной остановке. Она — направо, к входу в подъезд, где встала в тень, как встают в тень люди, которые не хотят быть увиденными.

Они засекли мужчину со спиралью.

Айя поняла: это — плохо. Охотники не знали о ней — они не знали, кто носит душу, но они знали о нём. Он — носитель знака. Знак корабля — это аномалия. Татуировка

— это метка. Метка — это маяк. Охотники идут по маяку.
«Если они поймают его — я потеряю единственную нить.
Он — единственный, кто знает. Если его сотрут — я никогда не найду Эла»

В одиннадцать пришёл он.

Дверь хлопнула. Колокольчик звякнул. Айя внутри Светланы ощутила энергетический толчок, как будто кто-то открыл форточку в душевой комнате: дунуло холодом и свежестью. И тепло — далёкое, слабое, но узнаваемое, не отцовское — другое, чужое, но со знакомым привкусом.

Айя посмотрела глазами Светланы.

Мужчина. Высокий, в тёмной куртке — той же, что вчера. Худой, с тонкими руками и острыми ключицами, проступавшими под тканью. Лицо — узкое, с тёмными глазами, которые смотрели не на мир, а сквозь мир, как смотрят люди, которые ищут что-то и не находят. Волосы — тёмные, короткие, небрежно стриженные. Подбородок — с трёхдневной щетиной. Нос — прямой, с горбинкой, как у людей, которые когда-то сломали его и не вылечили. Не красивый, не уродливый — **живой**. Лицо, которое что-то пережило, и это «что-то» осталось на нём, как остаётся вмятина на меди.

Он сел за столик у окна. Не у стойки — у окна. Положил руки на стол. Левая рука — вверх запястьем. И Айя увидела: спираль. Тёмная, чёткая, вточенная в кожу. Спираль с точкой в центре. Знак корабля. Знак дома. Знак отца.

Айя рванулась. «Это он! Тот! Вчера — на улице. Сегодня

— здесь. Он пришёл. Он ищет».

Светлана стояла за стойкой. Коффемашина гудела. Парашипела. Запах кофе — горький, тёплый, знакомый. Настя болтала с клиентом о погоде. Мир шёл. А Айя — внутри Светланы — билась, как птица в клетке. *«Иди к нему. Подойди. Спроси. Скажи».*

Страх. Настоящий. Не Светланин — Айин. Холодный, острый, как скальпель. Страх не за себя — за него. За связаного, который сидел за столиком и не знал, что за ним идут — двое, и двое — не люди. Не живые. Охотники не имели программ. Не имели душ. Они были — функции. Чистые, без примеси, без трещин. Программа без человека. И это было самое страшное: встретить кого-то, у кого нет трещины.

«Иди к нему. Подойди. Спроси. Скажи».

Но Светлана не слышала, она видела мужчину и программа «недостойна» заработала мгновенно — как срабатывает сигнализация, когда кто-то подходит к двери:

«Он сел за мой столик. Он смотрит сюда. Он, может быть, ждёт. Но я не могу подойти. Я — бариста. Я — обслуживающий персонал. Я должна делать кофе, а не разговаривать. Он — не для меня. Он — высокий, интересный, с татуировкой, с лицом, на которое хочется смотреть. А я — серый свитер. Я — недостаточно».

Айя чувствовала, как программа обвивает Светлану, как плющ обвивает стену: не ломает — обхватывает, давит, сжимает. Каждый шаг к мужчине — как шаг по болоту. Ноги

вязнут. Воздух густеет. Мысль «подойти» — тонет.

«Светлана. Послушай. Мне нужно к нему. Мне нужно передать ему знак. Ты можешь просто подать ему кофе. Просто — кофе. Ничего больше».

Светлана не слышала, но делала, потому что бариста подаёт кофе. Это — функция. Это — «я должна» — маленькая, служебная «должна», встроенная в «недостойна». Светлана может делать — но только то, что входит в функцию. Подать кофе — можно. Подойти и заговорить — нельзя.

Светлана сварила кофе. Эспрессо. Чёрный, без сахара, без молока. Она всегда смотрела на клиентов, прежде чем они заказывали, и угадывала. Это был её талант — единственный, который она себе позволяла. Не красота, не ум, не обаяние — угадывание. Она знала, кто что закажет. Мужчина в костюме — капучино. Студентка с ноутбуком — латте с сиропом. Пожилой мужчина — американо. А этот — чёрный эспрессо. Она знала.

Он кивнул, не глядя:
— Эспрессо. Спасибо.

Светлана застыла. Он заказал то, что она уже приготовила, она угадала и в эту секунду — на одну секунду — программа дала трещину, потому что угадать — это значит **быть нужной**. Не «должна» — а **нужна**. Не функция, а присутствие, она знала, что ему нужно, прежде чем он сказал и это больше, чем бариста. Это — понимание.

Айя воспользовалась этим моментом и направила тепло

через руки, через пальцы, через ту часть Светланы, которая угадывала, не словами — ощущением. *«Поддай. Коснись его руки. Вложи в ладонь — знак».*

Светлана взяла чашку. Пошла к столику. Пять шагов. Пять шагов по болоту. Каждый — тяжелее предыдущего. Ноги — как ватные. Руки — дрожат. Программа шепчет: *«Что ты делаешь? Зачем ты ему несёшь? Тебе надо за стойку. Тебе надо к кассе. Ты — бариста. Ты — обслуживающий персонал. Ты — не для разговоров. Ты — не для него».*

Светлана подошла. И когда она ставила чашку - Айя действовала.

Не через голос — через руку, через пальцы Светланы, Айя направила тепло в ладонь — в ту точку, где ладонь встречается с чашкой и когда Светлана ставила чашку, её пальцы коснулись запястья мужчины. Коснулись и задержались. На секунду. На одну секунду, которая была длиннее дня Марины.

В эту секунду Айя вложила энергетический знак - символ спирали, спрессованный в прикосновение, тепло, которое говорило: *«Я здесь. Я ищу. Я — с корабля. Я — одна из вас».*

Мужчина замер.

Его глаза — тёмные, глубокие, с тенью усталости — поднялись и посмотрели на Светлану. Но не на Светлану. Сквозь. Как смотрят сквозь стекло, когда за стеклом — свет. Он видел не бариста в сером свитере, он видел что-то, что за

ней. Что-то, что коснулось его запястья и сказало без слов: «я здесь».

Айя почувствовала его взгляд и дрогнула, в его глазах было узнавание, не её, а знака. Он узнал спираль. Он знал. Он — один из тех, кто помнит. Или связной. Или — брат.

«Эл?» — подумала Айя. — «Эл, это ты?»

Тепло не откликнулось. То тепло, которое отец назвал компасом, — не дрогнуло. Это был не Эл. Он знал символ, но он — не Эл.

Мужчина смотрел, потом медленно, осторожно кивнул. Один раз. Едва заметно. Как кивают, когда понимают, но не могут сказать. Он пришёл не случайно, он пришёл потому, что знал: кто-то придёт. Ждал.

Светлана отняла руку. Встала. Программа ударила — мгновенно, как пощёчина:

«Что ты сделала? Ты коснулась его. Зачем? Он подумает, что ты... что ты... Он подумал, что ты — навязчивая. Глупая. Недостойная. Он смотрел сквозь тебя. Он не видел тебя. Он видел — никого. Ты — никто».

Светлана побледнела. Щёки, которые и так были бледными, стали белыми. Руки — ледяными. Она вернулась за стойку и стояла, не двигаясь, глядя в кофемашину, которая гудела и не знала, что человеку за ней — плохо.

Мужчина допил кофе. Встал. Вышел. Не оглянулся.

Дверь хлопнула. Колокольчик звякнул. Улица Красная поглотила его — как поглощает всех: машины, люди, фона-

ри, вывески. Он растворился в толпе, как растворяется в воде соль: бесследно, но изменив вкус.

Айя смотрела ему вслед глазами Светланы и думала: *«Он взял знак. Он знает. Он — связной. Он не Эл, но он знает, где Эл. Нужно идти за ним. Завтра. В другом теле. В другой программе. Но сегодня, сегодня я ничего не могу».*

Охотники двинулись. Не за ним — рядом. Параллельно. Как тени, которые повторяют движение, но не касаются.

Айя, внутри Светланы, не могла ничего сделать. Не могла крикнуть, предупредить, помешать. Она была заперта в теле, которое протирало стойку и делало кофе, пока за окном разворачивалась охота.

«Господи» — подумала Айя, и это была первая мысль, которая не была ни про Эла, ни про отца, ни про корабль. Это была мысль о мужчине, которого она не знала, который пил её эспрессо и нёс её знак, и за которым шли тени. — *«Господи, пусть уйдёт. Пусть они его потеряют».*

Айя выдохнула. Энергетически. Тело Светланы отозвалось: плечи опустились, руки расслабились, желудок отпустило. Светлана не понимала, что произошло. Она просто почувствовала: что-то напряглось — и отпустило. Как тетива: натянута — и лопнула.

«Он ушёл» — подумала Айя. — *«Сегодня — ушёл. Но они знают его лицо. Они знают его маршрут. Завтра они будут ждать. И завтра — он может не уйти».*

Светлана стояла за стойкой и дрожала. Программа «недо-

стойна» не просто шептала — она кричала:

«Ты коснулась незнакомого мужчины. Ты — навязчивая. Ты — жалкая. Он смотрел на тебя с жалостью. Он видел, как ты стараешься, и подумал: какая жалкая. Какая ничтожная. Ты — никто. Ты — пустое место. Зачем ты вообще подошла? Надо было послать Настю. Настя — лучше. Настя — достаточно. А ты — нет».

Остаток дня Светлана работала молча. Настя болтала — про парня, про курс, про то, что в субботу идёт в клуб. Светлана кивала. Улыбалась маленькой, тренированной улыбкой. Делала кофе. Протирала стойку. Проверяла кассу. Функция — работала. Человек — нет.

Айя затихла. Наблюдала. Училась. Она видела: программа «недостойна» действует не как стена, а как кислота. Не блокирует — разъедает. Каждый успех — обесценивает. Каждое усилие — обнуляет. Клиент сказал «спасибо» — «*просто вежливость*». Клиент улыбнулся — «*не тебе, а кофе*». Клиент вернулся — «*не из-за тебя, а из-за кофе*». Всё — не из-за Светланы. Светлана — не причина. Светлана — фон. Стол, на который ставят чашку.

И Айя понимала: это хуже, чем «я должна». «Я должна» — хотя бы даёт действие. «Я недостойна» — забирает смысл. Марина действовала — тяжело, механически, но действовала. Светлана — стояла. Не потому что не могла — а потому что не видела смысла. Зачем идти, если некуда? Зачем стараться, если недостаточно? Зачем быть, если можно не быть?

«Отец говорил: земля принадлежит тем, кто её помнит. А Светлана не помнит, потому что никогда не знала. Никто не сказал ей: ты — хозяйка. Никто не сказал: ты — достаточна. Её научили: ты — фон. И она поверила. И теперь фон — это она».

Светлана шла домой. Темнело. Краснодар не темнеет резко — постепенно, как догорающий экран. Фонари зажигались один за другим — жёлтые, тёплые, ленивые. Улица Мира была пустой: дома, деревья, редкие прохожие. Где-то лаяла собака. Где-то играла музыка — из открытого окна, басы, что-то южное, ритмичное. Жизнь шла — мимо Светланы, без Светланы, вопреки Светлане.

Айя чувствовала, как день выжимает Светлану энергетически. Программа «недостойна» питалась днём: каждое усилие, каждая улыбка, каждый кофе — всё шло в топку. Топка жрала и не наедалась. И к вечеру Светлана была пуста. Не уставшая — пустая. Как стакан, из которого выпили и не налили.

Она поднялась на четвёртый этаж. Открыла дверь. Вошла. Сняла обувь. Не надела тапочки — не заслужила. Включила свет. Кухня. Холодильник. Внутри — йогурт и яблоко. Светлана не ужинала. Не потому что не хотела, а потому что «зачем». Зачем готовить для одной? Зачем есть, если тело — это просто оболочка, которую надо поддерживать, чтобы завтра снова стоять за стойкой?

Она села на стул у окна в комнате. Окно выходило во двор.

Тополя. Качели. Фонарь, который мигал — лампа умирала, мигала и не решалась погаснуть. Светлана смотрела и думала: *«Вот так и я. Мигаю. Не горю и не гасну. Просто мигаю»*.

И заплакала.

Не сразу. Сначала ком в горле, потом — глаза защипало. Потом — одна слеза. Потом — вторая. Потом — много. Она плакала тихо, беззвучно, как плачут люди, которые научились не шуметь, потому что шум — это «обрати внимание», а «обрати внимание» — это «ты слишком», а «ты слишком» — это «недостойна».

Айя стояла внутри этого плача и не знала, что делать, она никогда не была внутри чужих слёз. На корабле души не плачут — у них нет тел, нет слёзных желёз, нет этого механизма: когда боль переполняет и выливается через глаза. Айя чувствовала слёзы Светланы — солёные, тёплые, горькие — и не могла их остановить. Не имела права. Это — не её слёзы. Это — Светланы. И Светлана плачет не из-за Айи. Светлана плачет из-за всей своей жизни. Из-за каждого «недостаточно». Из-за каждого «зачем». Из-за того, что коснулась запястья незнакомого мужчины и почувствовала — на секунду — что она есть. А потом — программа отобрала и это.

И Айя поняла: программа «недостойна» питается слезами. Это не метафора, это — механизм. Каждая слеза — это капля энергии, которая утекает из тела и уходит в программу, чем больше Светлана плачет, тем сильнее клетка. Слёзы — топливо. Программа — топка. И круг замыкается: боль

— слёзы — программа усиливается — боль сильнее — слёзы больше — программа сильнее.

«Она не вырвется» — подумала Айя. — «Не сама. Никогда. Эта программа — не стена, которую можно обойти. Это — гравитация. Она не давит — она притягивает. И чем больше сопротивляешься — тем сильнее притяжение. Светлана не выберется из этого. Ей нужен кто-то снаружи. Кто-то, кто скажет: "Ты — достаточна. Не потому что красивая, умная, сильная. А потому что — есть"».

Айя шепнула. Теплом. Последним, что у неё было:

«Светлана. Ты — есть. И этого достаточно».

Светлана не слышала. Она плакала в подушку, и подушка впитывала, как впитывает губка воду: жадно, без остатка, без пользы.

Но Айя кое-что получила. Зацепку — большую, чем вчера.

Мужчина узнал знак. Он кивнул. Он взял символ. Он — связной. Он не Эл, но он знает. И он ждал. Он пришёл в кофейню и сел у окна — не случайно. Он приходил в этот район второй день подряд. Он искал. Так же, как Айя. Они — по разные стороны одной стены, и стена — это матрица, и оба стучат, и оба не слышат.

«Завтра» — подумала Айя. — «Завтра — другое тело. Другая программа. Но место — то же. Кинотеатр «Аврора». Кофейня. Угол. Я найду его снова. И в этот раз — в этот раз — может быть, я смогу сказать».

Программа «недостойна» работает: слёзы — топливо, топка — горит, клетка — крепнет. Айя чувствует, как Светлана тает — не физически, а духовно. Как свеча, которую не зажигали, но которая всё равно тает: от сквозняка, от сырости, от собственного воска.

И Айя делает то, чего не делала в Марине: она не просто наблюдает, она кладёт внутрь Светланы — в то место, куда не достаёт программа, в ту точку, где живёт не «недостойна», а просто «я» — маленькое, испуганное, забитое, но живое, кладёт тепло. Чуть-чуть. Как кладут в ладонь ребёнка монетку: не для богатства, а для ощущения — что кто-то был, что кто-то заметил, что кто-то — рядом.

«Ты — достаточна» — шепчет Айя. Не для Светланы — для той точки. Для того маленького «я», которое программа забила в угол и затоптала.

Светлана не слышит. Но на секунду становится тише, потому что на секунду кто-то был рядом, кто-то, кого не видно, не слышно, не коснуться. Но кто — был.

Светлана засыпает. Слёзы высыхают на щеках. Дыхание замедляется. Тело отпускает.

Айя уходит.

Пустота встретила её — голодная, жадная, тянущая. «Зачем? — шептала пустота. — Зачем ты туда? Зачем обратно? Зачем вообще? Нет тела. Нет брата. Нет смысла. Останься».

Айя держала тепло. Держала из последних сил, потому

что тепла было мало: она отдала часть Светлане — той точке, тому маленькому «я». Отдала — и теперь несла меньше, а завтра — новый прыжок и пустота будет голоднее, и тепла — меньше.

«Отец сказал: тепло не подводит» — повторяла Айя, как молитву, как заклинание, как последнюю нитку, которая связывает её с собой. — *«Тепло не подводит. Тепло не подводит. Тепло не подводит».*

Пустота отпустила.

Айя влетела на корабль и рухнула. Сжалась, свернулась, как сжимается свеча, когда задувает ветер, души метнулись к ней:

«Ты жива? Ты вернулась? Как Земля? Как люди?»

Айя не отвечала, стояла, свернувшись, и дрожала - от пустоты. Той, что внутри. Той, что оставила в ней Светлана: ощущение человека, который не верит в себя. Это ощущение было заразным, как вирус, как тот самый вирус, который сожрал их мир.

«Вот как он действует» — думала Айя. — *«Не через зло. Через "недостаточно". Через слёзы, которые питают клетку, через туман, который размывает границы, через сомнение, которое становится воздухом. Вирус — это не чёрный код. Вирус — это когда человек перестает верить, что он есть».*

Совет ждал. Айя выпрямилась. Дала отчёт.

— Мужчина — носитель знака. Пришёл в кофейню на

угол Красной и Кропоткина. Сел у окна. Принял знак. Кивнул. Он не брат. Тепло не откликнулось. Но он — связной. Он знает. Нужно — прямой контакт. Голос к голосу. Программа «недостойна» почти сожрала день. Светлана не смогла заговорит, только — коснуться, но прикосновение — этого мало.

«Охотники?»

Айя замолчала. Потом — тихо:

— Они засекли его. Мужчину со спиралью. Двое. Мужчины и женщина. Не люди — функции. Чистые, без программ, без трещин. Они идут по нему. Сегодня он ушёл. Они сужают круг. Вчера — район. Сегодня — перекрёсток. Завтра — дом.

«Сколько у нас?»

— Двадцать два дня. Двадцать два тела.

«Хватит?»

— Не знаю.

И снова — правда. Айя не знала, она не знала, найдёт ли Эла, не знала, не перехватят ли охотники связного, не знала, хватит ли тепла — ведь она отдала часть Светлане, и завтра отдаст ещё, и ещё, и через двадцать два дня — что останется?

«Тепло не подводит» — повторила Айя.

Совет молчал. Души молчали. Каждая думала: *«А если подводит?»*

Айя стояла одна. Корабль молчал. Стены не дышали. Потолок не мерцал. Где-то внизу, под облаками, спал Красно-

дар. Спала Светлана — с высохшими слезами на щеках, с пустотой внутри, с маленькой, едва тлеющей точкой тепла, которую оставила Айя. Спал мужчина со спиралью — где-то, в безопасном месте, не зная, что завтра охотники будут ближе. Спал Эл — не зная, что сестра ищет его. Спали Марина и Римма, и Дарья и все остальные — двадцать два тела, которые ещё не знали, что завтра в них войдёт кто-то чужой. Кто-то тёплый. Кто-то, кто ищет брата.

Кто-то, кто с каждым прыжком теряет тепло.

Кто-то, кто может не вернуться.

«Ещё двадцать два шанса. Двадцать две программы. Двадцать две третины. Двадцать два раза — войти в чужую жизнь, прожить чужой день, почувствовать чужую боль — и уйти. И каждый раз — отдавать. Отдавать тепло. Отдавать себя. И возвращаться — меньше, чем была».

Она подумала об отце. О его руках. О его голосе — тёплом, низком, как гул далёкой реки. О холме, о долине, о реке, которая блестела, как нитка, брошенная кем-то огромным. О словах: *«Земля принадлежит тем, кто её помнит».*

— Я помню, — шепнула Айя. — Я помню, папа. Я помню.

Корабль молчал. Но где-то — в глубине, в стене, в полу, в потолке — что-то откликнулось. Едва заметно. Как откликается струна, когда рядом играет музыка. Тепло. Маленькое. Далёкое. Как огонёк в окне, который видишь с дороги и не знаешь, твой ли это дом, но идёшь на него.

Айя закрыла глаза. И уснула — так, как спят души: без

снов, без тела, без веса. Просто — свет, который стал тише.

Рассвет поднимался над Краснодаром. Небо розовело. В одном из домов на улице Тургенева женщина по имени Римма открыла глаза — ещё не зная, что внутри неё кто-то есть, что у неё есть ровно сутки. Что мир зависит от того, сможет ли незнакомая душа пробиться сквозь её «я знаю, как правильно».

И что третье утро, третье утро Айи, уже началось.

Римма, 52 года, учительница русского языка и литературы — *«Я знаю, как правильно»*

Краснодар просыпался не с крика, а с запаха. С густого, тёплого, почти липкого аромата жасмина, который рос у подъезда Риммы на Тургенева. Жасмин в сентябре ещё держался — не так буйно, как в июне, но крепко, будто цеплялся за лето, не желая сдаваться осени. Воздух был влажный, тяжёлый, как мокрое полотенце: днём он станет горячим, а пока — прохладный, с лёгкой дрожью, как у человека, который только что проснулся и ещё не понял, холодно ему или тепло.

Небо — серовато - розовое, будто кто-то смешал золу с клубничным сиропом. Ни туч, ни солнца — просто плотная, ровная пелена, сквозь которую солнце пробивается не лучами, а рассеянным светом. Такой свет не слепит — он обволакивает. В нём всё кажется чуть более тусклым, чуть более усталым, но и чуть более честным: не нужно притворяться ярким, когда город сам по себе — приглушённый.

Римма проснулась раньше будильника. Не потому что хотела — потому что знала: утро — это время, когда нужно всё успеть до того, как начнётся хаос. Она открыла глаза, и первым, что она увидела, была стопка тетрадей на тумбочке. Стопка была ровной, аккуратной, перевязанной резин-

кой. Тетрадь на тетрадь, угол к углу. Так и в жизни Риммы: всё должно быть ровно. Не идеально — идеально невозможно, но ровно. Чтобы не шаталось. Чтобы не падало. Чтобы можно было сказать: «У меня всё под контролем».

Айя вошла в тело — и сразу поняла: это не Марина с её «должна» и не Светлана с её «недостойна». Это — крепость. Стены толстые, ворота закрыты, ключи у Риммы. Программа «я знаю, как правильно» работала не как туман и не как бетонная плита — она работала как библиотекарь в старой библиотеке: всё расставлено по полкам, всё подписано, всё имеет своё место, и если что-то не на своём месте — это не просто беспорядок, это угроза порядку.

Римма села на кровати. Не рывком, не лениво — чётко, как садятся люди, которые знают, что впереди день, и день этот нужно прожить правильно. Она посмотрела в окно. Во дворе — никого. Только старушка с собачкой, которая медленно шла по тропинке, и дворник, который подметал листья, делая это так, будто не убирал, а разглаживал землю.

Айя попыталась шевельнуться — не телом, а вниманием. *«Римма. Слушай. Внутри тебя — я. Мне нужно найти человека с татуировкой. Он может знать, где мой брат».*

Римма встала, потянулась — не для удовольствия, а для того, чтобы тело не застоялось, — и пошла в ванную. Зеркало над раковиной было старое, с лёгкой рябью, как будто стекло помнило все отражения, которые оно видело за эти годы. Римма посмотрела на себя — не чтобы полюбоваться,

а чтобы проверить: всё ли на месте. Волосы — аккуратно собраны, лицо — спокойное, без лишних эмоций. Эмоции — это хаос. Эмоции нужно держать.

«*Это бесовщина*» — вдруг сказала Римма. Не вслух, а как мысль, которая пришла сама собой, как приходит привычная фраза, когда слышишь что-то, что не вписывается в картину мира. — «*Тебе в церковь надо, а не по улицам бегать*».

Айя замерла от удивления. Впервые программа не просто блокировала, она оценивала. Она не говорила «нельзя» — она говорила «это неправильно». И делала это с такой уверенностью, что даже сомнение казалось глупостью. «*Я знаю, как правильно*» — это не запрет, это диагноз. Диагноз всему, что не совпадает.

Римма жила в старом доме на Тургенева — не в центре, но близко к центру, в районе, где ещё сохранились дворы с тополями и скамейками, где дети играли в классики, а взрослые сидели и обсуждали погоду, как будто погода — это политика. Квартира была маленькой, но очень правильной: книги — на полках по алфавиту, чашки — по размеру, полотенца — по цвету. Даже холодильник был устроен по системе: слева — молочное, справа — мясное, сверху — овощи, снизу — заморозка. Всё имело своё место. И если что-то было не на своём месте, Римма это замечала. И исправляла.

Она приготовила завтрак: овсянка, чай с лимоном, кусочек чёрного хлеба. Всё — без сахара, без масла, без лишнего. Лишнее — это слабость. Лишнее — это когда ты поз-

воляешь себе то, что не нужно. Римма не была строгой — она была последовательной. Она верила: если ты знаешь, как правильно, ты должен жить правильно. Иначе зачем знать?

Айя наблюдала изнутри. Она видела, как Римма двигается — не спеша, но без пауз. Каждое движение имело цель. Каждое слово — смысл. Даже молчание — смысл. Римма не тратила время впустую. Время — это ресурс. Время — это жизнь. И жизнь должна быть правильной.

Но Айя чувствовала: за этой правильностью — усталость. Не физическая, а душевная. Усталость от того, что всегда нужно знать. Всегда нужно быть правой. Всегда нужно объяснять, почему это правильно, а это неправильно. Усталость от того, что мир не хочет быть правильным. Мир хочет быть разным. Мир хочет быть хаотичным. Мир хочет быть живым. А Римма хочет, чтобы он был правильным и каждый раз, когда мир не был правильным, Римма уставала.

Школа была недалеко — десять минут пешком. Римма шла по улице, и Краснодар жил вокруг неё. Машины, маршрутки, пешеходы, велосипедисты. Кто-то спешил, кто-то шёл медленно, кто-то разговаривал по телефону, кто-то слушал музыку. Мир был шумным, разноцветным, несимметричным. И Римма шла через него, как корабль идёт через шторм: не против, не с ним — сквозь. Она не пыталась его изменить — она пыталась не дать ему себя изменить.

В школе — привычный ритуал. Раздевалка, учительская, журнал, доска, мел. Класс — 7 «Б». Шум, гам, беготня. Рим-

ма вошла — и класс затих. Не потому что боялся, а потому что знал: Римма не терпит хаоса. Хаос — это неправильно. Хаос нужно упорядочить.

Урок. Литература. «Отцы и дети». Базаров. Спор. Правда. Римма говорила чётко, уверенно, с интонацией, которая не допускала возражений. Она знала, как правильно понимать Тургенева. Она знала, что Базаров — не герой, а предупреждение. Она знала, что нигилизм — это не свобода, а разрушение. Она знала.

«Она не просто знает. Она верит. И вера делает её стену непробиваемой. Я не могу сказать ей: "Ты не права", потому что для неё это не вопрос права — это вопрос порядка. Если я скажу, что она не права, я скажу, что её мир неправильный. А если её мир неправильный — то кто она?».

После уроков — тетради. Проверка. Римма сидела за столом, склонившись над страницами, и выводила красные пометки: «орфографическая ошибка», «пунктуационная», «нелогично», «нужно перефразировать». Каждая пометка — как гвоздь в доску. Каждая — подтверждение: есть правильный способ, и есть неправильный. И неправильный нужно исправить.

Айя пыталась достучаться. Не словами — ощущением. Тёплом. *«Римма. Посмотри в окно. Там — что-то важное. Мужчина. Татуировка. Он может знать».*

Римма подняла голову. Посмотрела в окно. Но увидела не глазами — программой. Программа сказала: *«Там — улица».*

Там — машины. Там — люди. Ничего важного. Важное — здесь. В тетрадах. В уроках. В порядке».

И снова — тишина. Айя была заперта. Не в клетке — в библиотеке. В комнате, где все двери закрыты, и ключи у Риммы.

Вечер. Телевизор. Новости. Суп. Чай. Тишина. Римма сидела в кресле, укутавшись в плед, и смотрела на экран, но не видела. Мысли шли по кругу: «тетради», «завтрашний урок», «что сказать родителям», «как навести порядок в шкафу». Круг был ровный, гладкий, без острых углов. И от этого — скучный.

И вдруг — Римма сказала:

— Я не помню, когда в последний раз чему-то удивлялась.

Это не Айя. Это сама Римма. Впервые за долгое время — не программа, а человек. Не «я знаю», а «я не знаю». Не «правильно», а «а вдруг?».

Айя почувствовала: трещина. Маленькая, тонкая, как волос, но настоящая не снаружи — изнутри. Усталость от всезнания, тоска по неизвестному, желание, чтобы мир был не правильным, а интересным.

Айя направила внимание к окну. Не силой — намёком. Как будто подул лёгкий ветер и шевельнул занавеску.

Римма посмотрела.

За окном — Краснодар. Улица. Фонари. Деревья. Машины. И мужчина. В тёмной куртке. Стоит и смотрит вверх. Прямо на её окна.

Сердце Риммы ёкнуло от неожиданности. От того, что что-то вышло из порядка, что-то появилось там, где не должно быть.

Программа шепнула: *«Не выглядывай. Что люди подумают? Это неприлично. Это неправильно. Это не по правилам».*

Но Римма — впервые за годы — не послушала. Она встала. Подошла к окну. Открыла форточку. Воздух ворвался внутрь — тёплый, пахнувший жареным луком из соседнего дома и жасмином с улицы.

— Кто вы? — крикнула Римма.

Мужчина поднял голову. Поднял руку и показал татуировку. Спираль с точкой. Знак корабля. Знак дома.

— Меня зовут Ор. Я ждал, когда кто-то посмотрит, — сказал он.

Голос был тихий, чёткий, не громкий, но уверенный. Как голос человека, который знает, что его услышат.

Римма стояла у окна и смотрела на него. Впервые за долгое время она не знала, как правильно, она просто смотрела и этого было достаточно. Ор посмотрел в сторону дороги, изменился в лице и поспешил удалиться.

Не по плану — по ощущению, Римме захотелось пройтись. Нужно было почувствовать землю под ногами, воздух в лёгких, шум города в ушах. Парк Галицкого был недалеко — десять минут на маршрутке, и вот он: зелёный, шумный, живой.

Парк жил своей жизнью. Бегуны, велосипедисты, скейт-бордисты, мамы с колясками, старики на скамейках, дети, которые бегали и кричали, не боясь, что это неправильно. Здесь не было порядка — здесь был ритм. И этот ритм был правильным по-своему.

Римма шла по аллее. Деревья были подстрижены, но не ровно — с лёгкой небрежностью, как будто садовник сказал: «Пусть будет красиво, а не идеально». Газоны — зелёные, но не одинаковые: где-то трава выше, где-то ниже. Скамейки — не в ряд, а там, где удобно сидеть. Фонтан — не симметричный, а живой: вода падала не по линиям, а по волнам.

Айя чувствовала, как тело Риммы расслабляется. Как плечи опускаются. Как дыхание становится глубже. Как мир перестаёт быть врагом и становится собеседником.

Но где-то сзади — шаги. Не громкие, не быстрые — ровные. Как шаги людей, которые не спешат, потому что знают: ты не уйдёшь.

Охотники.

Двое. Мужчина и женщина. Те же. В серой одежде, с лицами, которые ничего не выражают. Они шли не за Риммой — рядом. Параллельно. Как тени.

Римма не видела. Она смотрела на фонтан. На воду. На людей. На небо, которое становилось фиолетовым — не от заката, а от подсветки парка.

Айя видела. И чувствовала. Холод. Не от ветра — от них. От их отсутствия. От их функции. Они не были живыми —

они были инструментами. И инструмент не устаёт. Инструмент не сомневается. Инструмент идёт до конца.

Они приближались. Не спеша. Спокойно. Как люди, которые знают маршрут.

Айя рванулась. Не телом — вниманием. *«Римма! Беги! Не оглядывайся! В арку! В переулок! Быстрее!»*

Римма вздрогнула. Не от голоса — от холода. От ощущения, что за спиной — что-то неправильное. Она обернулась. На секунду. Увидела двух людей. Спокойных. Ровных. Без эмоций.

И побежала.

Не красиво, не грациозно — как бегут люди, которые давно не бегали: тяжело, неуклюже, но отчаянно. Через парк. Мимо фонтана. Мимо кафе. Мимо скамейки, на которой сидела пара и целовалась, не замечая ничего вокруг. В арку. В переулок. В проход между домами.

Охотники — за ней. Не бегут — идут. Но быстрее. Спокойно. Ровно. Без эмоций.

Римма выбежала на другую улицу. Здесь было тише. Меньше людей. Больше теней. Дома стояли плотнее, как будто прижимались друг к другу, защищая двор от ветра.

Ор ждал. У подъезда. В тени. С лицом, которое было усталым, но спокойным.

— Сюда, — сказал он. — Быстрее.

Римма вбежала в подъезд. Дверь захлопнулась. Ор прижал палец к губам: «Тихо».

Они стояли в полумраке подъезда. Пахло краской и старым деревом. Где-то наверху хлопнула дверь. Где-то внизу — лифт поехал. Мир жил. Но здесь — тишина.

Охотники прошли мимо. Не заглянули. Не постучали. Просто прошли. Как будто знали: здесь никого нет. Как будто знали, что Римма не могла убежать. Как будто знали, что она — правильная, а правильные не бегают.

Когда шаги стихли, Ор выдохнул и посмотрел на Римму.
— Ты сделала это, — сказал он. — Ты посмотрела. Ты открыла окно. Ты побежала. Ты — не такая, как они думают, Парк Галицкого, завтра, — сказал Ор, обратившись к Айе и ушел.

Римма смотрела на него и не знала, что сказать. Впервые за долгое время она не знала, как правильно. И это было... хорошо.

Айя вернулась на корабль. Уставшая, но не пустая. В ней было что-то новое — не тепло, а понимание. Понимание того, что даже самая крепкая программа может треснуть. Не от удара — от усталости. От тоски по неизвестному. От желания удивиться.

— Прямой контакт состоялся, — сказала Айя. — Ор — не брат, но связной. Он знает, где брат. Встреча возможна завтра.

Совет слушал. Души молчали. Каждая думала: *«А если не получится? А если охотники будут ближе?»*

— Не знаю, — сказала она. — Но я знаю, что Римма се-

годня удивила сама себя. И этого достаточно. Пока.

Корабль молчал. Но где-то — в глубине — что-то дрогнуло. Как дрожит струна, когда рядом играет музыка. Тепло. Маленькое. Далёкое. Но настоящее.

Айя закрыла глаза. И подумала об отце. О его руках. О его голосе. О холме. *«Земля принадлежит тем, кто её помнит».*

— Я помню, — прошептала она. — Я помню.

Далеко, в Краснодаре, солнце вставало над горизонтом, Римма сидела на кухне, пила чай и смотрела в окно. *«Я вчера удивилась. И это было... правильно. По-своему».*

А за окном — город жил. Тёплый, влажный, шумный, неправильный и от этого — живой.

Дарья, 19 лет, студентка — *«Я ещё не решила, кто я»*

Пустота в этот раз не шептала. Она молчала. Голодная, чёрная, безразличная, как море, которое не злится и не жалеет — просто есть, и просто поглощает. Айя летела сквозь неё, и тепла было меньше, чем вчера, часть — у Маринино фикуса, часть — у Светланиных слёз, часть — у Риммино окна. Осталось — на доньшке, как кофе в чашке, который допиваешь не потому что хочешь, а потому что больше нет.

«Тепло не подводит» — повторяла Айя. Слова становились легче с каждым прыжком, они таяли. Слова — это форма, а форма тает, когда тепло уходит на содержание.

Пустота отпустила и Айя вошла.

Тело встретило её — как встречают ветер с распахнутым окном: не сопротивляясь, не задерживая, пропуская насквозь. Нет стен. Нет замка. Нет ключа. Просто — открыто.

Это было так неожиданно, что Айя замерла, после Марины с её бетонным «должна», после Светланы с её болотным «недостойна», после Риммы с её школьным «знаю, как правильно» — войти в тело, которое не сопротивляется, было как выйти из брони после месяца в окопе. Кожа тонкая, чувствительная, незащищённая, каждый нерв — снаружи, каждый звук — громче, каждый запах — сильнее, каждый цвет — ярче.

Дарья спала. Спала глубоко, по-молодости, по-девятнадцатилетности, когда сон не отдых, а полёт, и просыпаться не хочется, потому что во сне нет вопросов, а наяву только вопросы.

Айя ощутила тело и не нашла программы. Не нашла стены. Не нашла тумана. Не нашла библиотеки. Нашла — пустоту. Но не мёртвую, не стерильную, не космическую. Живую. Тёплую. Текучую как река, которая ещё не решила, куда течь: может — к морю, может — в поле, может — назад, в горы. Река, у которой нет берегов. Вода без русла.

Программа Дарьи: *«Я ещё не решила, кто я»*.

Чистый лист - белый, пустой, ожидающий. Можно на нем писать что угодно, можно нарисовать что угодно, можно стать кем угодно и именно поэтому невозможно стать никем конкретным, потому что каждый раз, когда ты выбираешь, ты теряешь все остальные варианты, а Дарья не хотела терять, она хотела всё. Она хотела быть всем и поэтому не была никем.

Айя поняла это в первые секунды и впервые, за четыре дня, не испугалась, потому что это тело не сопротивлялось, оно — слушалось.

«Дарья» — позвала Айя.

И Дарья услышала. Не как Марина, не как Светлана, не как Римма. Не сквозь стену, не сквозь туман, не сквозь библиотеку. Напрямую. Как слышат музыку из наушников: без преград, без помех, без шума. Чисто.

— Кто ты? — спросила Дарья. Не испуганно, не враждебно — с любопытством. С тем самым любопытством, которое у Марины было трещиной, а у Дарьи — состоянием.

— Я — Айя. Я внутри тебя на сутки. Мне нужно найти одного человека.

— Зачем?

— Он мой брат, он забыл, кто он. Мне нужно напомнить ему.

Дарья помолчала. Потом легко так, сказала:

— Ладно. А куда идти?

И Айя впервые почувствовала: можно. Можно идти, можно двигаться, можно не бороться, не пробиваться, не искать трещину. Можно просто идти.

Дарья жила в общежитии. Комната на двоих, трёхэтажное здание из белого кирпича на улице Коммунарной, рядом с университетом. Комната маленькая: две кровати, два стола, два стула, окно, за которым — тополь и провода. На стенах — фотографии, вырезки из журналов, рисунки маркером: глаза, цветы, надписи на английском, которые Дарья не понимала, но которые ей нравились по звучанию. На полке — книги: Достоевский (не дочитан), Буковски (не понят), Мураками (не дочитан и не понят, но нравится держать в руках, потому что обложка красивая). На столе — ноутбук с наклейкой «not all those who wander are lost».

Соседка — Катя, 20 лет, с короткими волосами и татуировкой полумесяца на щиколотке. Катя спала, разметавшись

по кровати, как спят люди, которым не нужно вставать.

Дарья оделась. Быстро, небрежно, не думая: джинсовые шорты, растянутая футболка с логотипом группы, которую она не слушала, кроссовки, куртка — лёгкая, ветровка, накинутая на одно плечо. Волосы — не расчёсаны, собраны в пучок, который держался на честном слове и одной резинке. Лицо — без макияжа, потому что ещё не решила, нужен ли он ей сегодня.

Айя ощущала это тело и поражалась. После Марины, в которой каждое движение было программой, после Светланы, в которой каждый шаг был болотом, после Риммы, в которой каждое слово было правилом — Дарья была ветром. Ветер не имеет направления. Ветер не имеет цели. Ветер — есть. И дует. Куда — непонятно. Но дует.

Проблема была в том, что ветер меняется. Каждую минуту.

Они вышли из общежития. Утро краснодарское, четвёртое утро Айи на Земле. Сентябрь в Краснодаре — не осень, а лето, которое притворяется, что устало. Жара — не июльская, не палящая, а мягкая, томительная, как будто воздух не хочет отпускать тепло, но уже не может его удерживать. Небо — бледно-голубое, не яркое, как в августе, а выцветшее, как футболка, которую слишком часто стирали. Солнце — ватное, тёплое, не кусается.

Коммунарная вела к парку Галицкого. Дарья шла и Айя шла с ней. Тело слушалось как компас: стрелка указывала,

но руку, которая держит компас, качало. Дарья шла быстро, потом медленно, потом останавливалась, потом разворачивалась, потом снова шла, она сомневалась во всём.

— Может, не надо? — вдруг сказала Дарья. — Может, этот твой брат сам разберётся?

— Не разберётся, — ответила Айя. — Он забыл.

— Все забывают. Я тоже забываю. Это нормально.

— Он забыл не это. Он забыл, что тепло существует.

Дарья замолчала. Идёт. Молчит. Потом:

— А что такое тепло?

И Айя не смогла ответить, потому что тепло нельзя объяснить. Его можно почувствовать. Как нельзя объяснить вкус соли тому, кто не пробовал. Можно сказать: «солёное», но это ничего не скажет. Нужно дать соль, нужно положить на язык и тогда — поймёт.

— Я покажу, когда найдём его, — сказала Айя.

— Ладно, — сказала Дарья. И пошла быстрее.

Парк Галицкого утром был другим, чем вечером. Утренний парк — для бегущих. Вечерний — для сидящих. Утром — кроссовки, наушники, пот, ритм, дыхание. Вечером — скамейки, мороженое, разговоры, покой. Сейчас — утро. Бегуны мелькали между деревьями, как рыбы в прозрачной воде. Велосипедисты — по дорожкам, ровно, по полосам. Собаки — без полос, без правил, просто радость.

Дарья вошла в парк и снова изменилась. Вот шла уверенно, быстро, с Айиной целью в глазах и вдруг остановилась.

Увидела качели. Детские, пластиковые, красно-жёлтые и захотела качаться, потому что можно, потому что она ещё не решила, кто она, и может она та, которая качается на качелях в парке Галицкого в десять утра.

— Дарья. Мне нужно найти человека. Он ждёт у входа с южной стороны.

— Я знаю. Но качели.

— Дарья.

— Ладно, ладно.

Она сошла с качелей и пошла. Но через сто метров остановилась снова, потому что увидела фонтан, хотела подставить руку. Потом увидела мороженое. Хотела купить. Потом увидела собаку. Хотела погладить. Каждое «хотела» — искреннее, живое, настоящее. И каждое — уводило от цели.

Айя поняла: это не каприз. Это программа. «Я ещё не решила, кто я» работает не как «не могу», а как «могу всё, и поэтому не могу ничего». Если ты — все, ты — никто. Если ты хочешь всё, ты не хочешь ничего. Свобода без опоры — это хаос. Хаос — это не враг, но он не имеет направления. А направление нужно, потому что впереди Эл и до него нужно дойти.

«Дарья» — сказала Айя тепло. Теплом, которого оставалось мало, но которое она направила, как луч. — *«Ты ещё не решила, кто ты. Это — правда. Но ты можешь решить, что ты сделаешь сейчас. Не кто ты — а что. Одно действие. Один шаг. К Ору. Он ждёт».*

Дарья не надолго задумалась, думать надолго она не умела. Потом кивнула:

— Ладно. Я ещё не решила, кто я, но я решила, что иду.

И пошла. Без остановок. Без качелей. Без мороженого. Она шла и в каждом шаге была не уверенность, а выбор, хрупкий, как первый лёд на луже, но — выбор.

Ор ждал у входа с южной стороны. Он стоял, прислонившись к столбу, и курил. Сигарета — тонкая, почти догоревшая. Дым — в небо. Глаза — в сторону. Он ждал.

Когда Дарья подошла, он посмотрел на неё и Айя внутри Дарьи увидела его глаза: тёмные, глубокие, с тенью усталости, но не мёртвые - живые. Глаза человека, который помнит.

— Ты — та, — сказал Ор. Не вопрос — утверждение.

— Я — Айя, — ответила Айя через Дарью. Голос Дарьи — молодой, чуть хрипловатый, с южным акцентом звучал странно с Айиными словами. Как будто кто-то говорил текст, написанный для другого голоса.

— Я знаю, — сказал Ор. — Я ждал. С того дня, как ты коснулась моего запястья в кофейне. Я почувствовал знак. Я знал, что кто-то пришёл.

— Ты — связной?

— Я тот, кто помнит. Как и ты. Но я не с корабля. Я отсюда. Я родился на Земле, но я видел.

— Что видел?

Ор затушил сигарету. Посмотрел на Дарью, сквозь. На Айю.

— Корабль. Я видел его во сне. Много раз. С детства. Серый, без огней, висит над нами... и голоса, которые зовут. Я не знал, что это значит, думал — кошмар, потом — дар, потом — просто реальность, которую никто не видит. Я носил знак спираль с шестнадцати лет и не знал зачем, просто чувствовал, что нужно и вот — ты пришла.

— Мне нужно найти брата. Эла. Он на Земле, в теле и он забыл.

Ор кивнул. Медленно. Тяжело. Как кивают, когда знают, что ответ будет не простой.

— Я знаю, где он, я следил за ним. Давно. Он автомеханик, живёт на Северной, работает в гараже у вокзала. Пьёт. Много. Считает, что его жизнь — тупик.

— Он мой брат, — повторила Айя. Тепло, то самое, отцовское, которое дрожало, но не гасло, — дёрнулось, как дёргается стрелка компаса, когда рядом магнит.

Ор увидел, как Дарья вздрогнула, как глаза — молодые, карие, с зелёной каймой — расширились, как тело — ослабленное, ветреное — вдруг напряглось от узнавания.

— Тепло? — спросил Ор.

— Тепло, — ответила Айя. — Он близко.

— Идём.

Они шли по городу. Ор впереди, Дарья — за ним. Краснодар жил вокруг: машины, люди, маршрутки, вывески, фонари, тополя, каштаны. Обычный город. Обычный день. Но Айя чувствовала: этот день — не обычный, этот день — по-

ворот. Всё, что было до — подготовка, всё, что будет после — последствия, а сейчас — момент. Точка, на которой всё держится.

Улица Красная сменилась Красноармейской. Красноармейская — длинная, прямая, с тенистыми аллеями и старыми домами, в которых ещё жили люди, а не магазины. Потом — Северная. Район попроще, меньше лепнины, больше панельных пятиэтажек. Гаражи. Автосервисы. Запах масла и бензина. Мужчины в рабочих куртках, которые курили у ворот и говорили о машинах.

Ор остановился у дома. Панельная пятиэтажка, серая, с выбитыми окнами в подъезде и ржавым козырьком. Третий этаж. Окно справа — закрыто, шторы задёрнуты. За окном — жизнь, которая не хочет, чтобы её видели.

— Здесь, — сказал Ор. — Эл. Квартира сорок три.

Айя через Дарью посмотрела на окно, то тепло, которое отец назвал компасом — рванулось. Не дрогнуло — рванулось, как рвётся нитка, когда тянешь слишком сильно. Это тепло внутри этого хрупкого, незащищённого, ветреного тела превратилось в костёр. Это было тепло Эла. Братское. Знакомое, то тепло, которое она искала семь лет.

«Он здесь. Он за этой стеной. Он за этим окном. Он — рядом».

— Подожди, — сказал Ор. — Помни: он не знает, он забыл, не всё, но достаточно, чтобы не верить. Его программа — «всё бессмысленно», она самая сильная из всех, потому

что она не стена и не туман, она — пустота. Чистая, абсолютная. Нечему противопоставить. Нечему зацепиться. Он не борется — он не видит смысла бороться.

— Я знаю, — сказала Айя. — Но я помню тепло. Отец сказал: тепло не подводит.

— Отец был мудрее нас всех, — сказал Ор. И в его голосе впервые что-то дрогнуло. Не слеза — тень. Тень чего-то, что он тоже потерял.

Подъезд. Лестница. Три этажа. Ступени — стёртые, бетонные, с отколотыми краями, пахнет краской, сыростью, кошками. На втором этаже дверь открыта, из неё шумит телевизор, звучит голос диктора, который читает новости о погоде. На третьем — металлическая дверь, с облупившейся краской. Номер сорок три - приклеен скотчем, потому что гвозди не держали.

Ор кивнул: «Стучи».

Дарья подняла руку. Стукнула. Тихо. Потом — громче. Потом — ещё. За дверью — тишина. Потом — шаги. Тяжёлые, медленные, как шаги человека, который идёт к двери не потому что хочет, а потому что надо, как шаги Марины — но без «должна». С другим: с «зачем».

Замок щёлкнул. Дверь открылась.

Эл.

Айя увидела его и мир остановился.

Тепло, которое рванулось на улице, теперь — полыхнуло. Как костёр, в который плеснули бензина, как солнце, кото-

рое вышло из-за туч. Не образ — ощущение. Ощущение, которое отец вложил в неё на холме, которое она несла семь лет через пустоту, которое дрожало, но не гасло, — вот оно, вот оно, вот оно. Айя не помнила его лица, не помнила ни на корабле, ни здесь. Эл стоял в дверях.

Мужчина. Не мальчик, не юноша — мужчина. Лет тридцати, хотя мог быть и двадцати пяти, и тридцати пяти — возраст, который стёрли не годы, а усталость. Лицо — не красивое, не уродливое — помятое, как лист, который комкали и расправляли много раз. Глаза — серые, светлые, водянистые, с красными ободками от недосыпа или пива. Щетина — не трёхдневная, а недельная, с проседью. Волосы — русые, грязные, зачёсанные назад, падающие на глаза. Руки — большие, в мазуте, с ободранными костяшками. Ногти — чёрные от гаража. Он был в серой, растянутой майке, с пятном от кофе или масла на животе. Босиком. На ногах — мозоли, тёмные от грязи.

Он пах. Пах бензином, пивом, потом, сигаретами. Пах жизнью, которую не мыли. Жизнью, которую не любили. Жизнью, которая — была, но не имела смысла.

Айя смотрела и одновременно узнавала и не узнавала. Тело — чужое. Лицо — незнакомое. Но тепло, тепло — братское. То самое, которое она потеряла семь лет назад, то, которое отец называл компасом, то, которое дрожало, но не гасло. Вот оно. Здесь. За этой дверью. В этом теле. В этих грязных руках и водянистых глазах.

«Эл» — подумала Айя. И имя — которое она не помнила, которое забыла, которое было стёрто семью годами пустоты — всплыло, как всплывает рыба из глубины: тёмная, быстрая, живая. Эл. Брат. Тот, кто бежал за ней по холму и кричал: «Подожди! Я тоже хочу видеть!»

— Чего надо? — спросил Эл. Голос — хриплый, низкий, с хрипотцой, как будто голосовые связки устали говорить и хотели молчать.

Айя, через Дарью, смотрела на него. Девятнадцатилетняя девочка в шортах и растянутой футболке смотрела на тридцатилетнего мужчину в грязной майке, и между ними — пропасть. Не возрастная, не социальная. Между ними — семь лет забвения. Между ними — программа «всё бессмысленно», которая стоит, как стена, но не стена — пустота. Чистая, абсолютная, безграничная.

— Ты не помнишь меня, — сказала Айя. Голос Дарьи — молодой, хриплый, чужой. — Но ты помнишь тепло.

Эл нахмурился. Не понял. Или не захотел понять.

— Тепло? Какое тепло? Ты кто вообще? Тебе кого?

— Тепло, которое было до того, как ты решил, что всё бессмысленно. Закрой глаза и вспомни.

Эл посмотрел на неё, потом — на Ора, стоящего за её спиной, потом — снова на неё и засмеялся. Коротко, сухо, как лают.

— Очередные странные. Уходите!

Он шагнул назад, чтобы закрыть дверь, но Ор не дал, по-

ложив ладонь на косяк.

— Эл. Послушай. Это не сумасшедшая. Это — важно.

— Всё важно. Ничего не важно. Одно и то же.

— Нет. Не одно и то же. Ты знаешь, что не одно.

Эл замер. Что-то в голосе Ора зацепило, как зацепился бы за звук человек, который давно не слышал музыки и вдруг — нота. Одна. Из далёкого детства.

— Закрой глаза, — повторила Айя. — Пожалуйста. Одну минуту. Закрой глаза.

Эл посмотрел на неё. Дарью. Девчонку. Студентку. Чужую. Незнакомую. Программа шептала: «Очередная. Пусть уходит. Всё бессмысленно. Зачем слушать. Зачем открывать. Зачем».

Но что-то другое, глубже, темнее, в том месте, куда программа не доставала, — шевельнулось. Как шевелится во сне человек, который слышит свой имя, но не просыпается, только — ворочается. Тепло. Далёкое. Знакомое. Не включённое, не активное, спящее, но живое.

Эл закрыл глаза.

Темнота. За веками — темнота. Не краснодарская, не комнатная — другая. Глубокая, бездонная, как колодец, на дне которого — вода, которую не видно, но которая есть.

Айя действовала. Не словами — теплом. Всем, что осталось. Всем, что несла. Всем, что отец дал ей на холме, что дрожало, что таяло, что отдавала Марине, Светлане, Римме, — всем, что осталось — она направила в Эла. Через Дарью,

через её тонкую, незащищённую кожу, через её молодое, открытое тело, через её руки, которые Айя не знала, как протянулись и легли на грудь Эла. Ладони на грудину, там, где сердце, там, где, по словам отца, жил код.

Тепло пошло, не как луч, а как река, у которой прорвало плотину. Всё, что Айя копила, берегла, тратила по капле, — хлынуло. Через ладони Дарьи, через грудь Эла, через кости, через кровь, через мозг, через память. Тепло, которое отец называл ключами. Не предметы, не слова — присутствие. Тёплое, живое, настоящее.

И Эл — увидел.

Не глазами. Тем, что не имеет названия, но есть у каждого, кто когда-то был живым.

Корабль.

Серый, тупой, без огней. Висит над Землёй. Стены дышат. Полы хранят тепло. Потолок мерцает мыслью. Внутри — сто двадцать одна душа. Тёплое облако в темноте. Они зовут. Тихо, без слов, без голосов — присутствием. Они ждут.

И рядом Айя. Не Дарья — Айя. Не молодой голос и растянутая футболка, а свет. Тёплый, мерцающий, живой. Свет, который стоит рядом и смотрит на Землю. Вместе с ним. С Элом. Они стоят рядом — два сгустка, две души, два огонька — и смотрят вниз, на огни, на миллион жизней, на землю, которая, по словам отца, их. По праву памяти. По праву тепла.

В его руках — свет. Тёплый, живой, пульсирующий. Две

половины одного замка. Она — вход. Он — поворот. Вместе — открытие.

Он видел. Всё. Корабль. Айю. Ключи. Отца — далёкого, тающего, как звезда перед рассветом. Голос отца: *«Ты найдёшь. Тепло не подводит»*. Голос Айи — детский, летящий. *«Подожди! Я тоже хочу видеть!»* — нет, это не Айя. Это он. Это он кричал. Это он бежал за ней по холму. Это он, Эл, хотел видеть. Хотел жить. Хотел землю.

Он открыл глаза.

В глазах — слёзы.

Не одна, не две — много. Тихих, горячих, беззвучных. Они текли по помятому лицу, по щетине, по морщинам, которых не было семь лет назад, — текли и смывали. Не грязь — патину. Не усталость — броню. Программу «всё бессмысленно», которая стояла, как стена, но была не стена — лёд. И лёд — таял.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.